

НУАР ОСТРЫЙ КАК БРИТВА,
НЕЧТО СОВЕРШЕННО ИЗ РЯДА ВОН.
ЛИ ЧАЙЛД

Д Ж О З Е Ф
НОКС

**УЛЫБАЮЩИЙСЯ
ЧЕЛОВЕК**

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

АЗБУКА

Джозеф Нокс
Улыбающийся человек
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Эйдан Уэйтс», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64019646

*Улыбающийся человек:
ISBN 978-5-389-19279-9*

Аннотация

Впервые на русском – продолжение «лучшего британского дебюта в жанре детектива за долгие годы» (Crimescene Magazine), «нуар острый как бритва, нечто совершенно из ряда вон» (Ли Чайлд). Первый роман про Эйдана Уэйтса, «Сирены», стал в Англии главным бестселлером среди детективных дебютов 2017 г. (тираж 100 тыс. экз.), был переведен на 18 языков, и в настоящее время студия Lookout Point («Подходящий жених», «Джентльмен Джек») готовит экранизацию всей трилогии.

Детектив-констебль Эйдан Уэйтс и его напарник по ночной смене детектив-инспектор Сатклиф приезжают на вызов в закрытый «Отель-палас». На пятом этаже пустующего исторического здания они находят человека – смуглого, голубоглазого, широко улыбающегося и мертвого. Прилично одетого, но без единого документа в карманах, и даже этикетки на одежде спороты. Более того – удалена кожа с кончиков пальцев,

а зубы обточены под коронки. Как раскрыть убийство человека, которого как будто не существовало? Особенно когда из прошлой жизни Эйдана Уэйтса является незванный и ужасающий призрак...

Слово – автору: «На „Улыбающегося человека“ меня вдохновило реальное убийство, остающееся нераскрытым вот уже семьдесят лет, и даже личность жертвы до сих пор не установлена. Пожалуй, это самый странный и загадочный случай в истории мировой криминалистики».

Содержание

I		10
	1	10
	2	15
	3	17
	4	25
	5	29
	6	40
	7	48
	8	59
	9	62
II		71
	1	71
	2	77
	3	86
	4	94
	5	97
	6	104
	7	107
	8	110
	9	114
III		125
	1	125
	Конец ознакомительного фрагмента.	130

Джозеф Нокс

Улыбающийся человек

Стивену К.

*Я словно что-то знаю и не знаю одновременно.
Томас Лиготти. Проказник (перевод Н. Кудрявцева)*

© Е. В. Матвеева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Все началось со стука в дверь.

Сейчас от этой мысли он болезненно морщится. Прикрывает глаза, проводит рукой по лицу. Его память полна тяжелых воспоминаний, и воскресить их способна любая мелочь. Наэлектризованный воздух перед грозой, запах свежести после дождя. Он может погрузиться в воспоминания, сидя за столиком напротив очередной девушки или нового коллеги, – все равно люди не задерживаются в его жизни надолго. Поле зрения заволакивают радужные сполохи, как бывает, если долго смотреть на яркий свет.

– Кажется, за дверью кто-то есть, – произнес старческий голос.

Воскресенье, начало одиннадцатого, наверное, они ложились спать.

Дом – еще крепкий тюдоровский особнячок – был рассчитан на любые бедствия, кроме дождя. Сквозь дверной витраж виднелись тазы, в которые капала вода с потолка. Видимо, поэтому стук слышали не сразу. Мальчик снова постучал, отступил от двери и оглядел дом. Великоватый для пожилой супружеской четы, он обладал тем, чего не было в привычных мальчику тесных комнатухах с тонкими стенами. Собственным характером.

По-другому и не могло быть в такой глуши.

Старушка открыла дверь и позвала мужа. Старик был еще дряхлее и с трудом волочил ноги. Он поправил очки на носу и воззрился на дрожащего мальчика. Худого как спичка, бледного, с застывшим взглядом. В насквозь промокшей тонкой футболке и брюках. Супруги оглядели темный двор. Похоже, мальчик пришел один.

Старушка озабоченно наклонилась к нему:

– Что случилось, милоч?

Мальчик молча дрожал.

Старушка снова близоруко взгляделась в темноту, потом ласково взяла мальчика за руку, завела в дом и закрыла дверь.

– Совсем озяб, – сказала она мужу, ведя ребенка в гостиную.

Старик запер дверь на засов и пошел за ними, поглядывая на мокрые следы на плиточном полу.

Мальчик был босиком.

– Меня зовут Дот, – представилась старушка. – А это Сай. Ребенок не ответил. Пожав плечами, Дот нашла одеяло, поставила греться воду. Сай сидел на диване, нервно потирая руки. Из-за темных кругов под глазами мальчик выглядел старше своих семи-восьми лет. Он не глядел по сторонам и вообще, похоже, не замечал ничего вокруг. Просто смотрел куда-то перед собой. Вернулась Дот с грелкой, и Сай ласково погладил жену по руке. Мальчик тут же посмотрел на них, будто впервые видел такой жест.

– Как тебя зовут? – спросила Дот, укрывая мальчика одеялом и подкладывая к его ногам грелку.

Мальчик задрожал еще сильнее. Сжал зубы, чтобы не стучали, и зажмурился.

– Полицию вызовем? – обратилась Дот к мужу.

Тот закивал и поднялся с места, радуясь, что ему нашлось дело.

Дот растирала мальчику лоб и виски. Казалось, у него кровь кипит от жара.

– Дот... – позвал Сай из коридора.

– Иду, – ответила она и вышла из комнаты.

Мальчик неслышно выбрался из-под одеяла и подошел к двери. Щелкнул выключателем, потом еще раз и еще. Выглянул в коридор. Сай и Дот озадаченно смотрели на неработающий телефон. Мальчик на цыпочках прокрался к двери, отодвинул засов, открыл дверь.

Какая-то фигура отделилась от темноты и медленно дви-

нулась к дому. После дождя на небе высыпали звезды – в городе мальчик таких не видел. В их свете стоящий перед ним человек казался тенью – черной, чернее ночи.

– Молодец, – кивнул он мальчику.

Плоское лицо с заостренным подбородком не выдавало никаких эмоций, зато торс с переплетающимися дорожками бугристых мускулов и вен казался средоточием вселенского зла. Правой рукой в перчатке человек покрепче сжал гвоздодер, левой провел по голове мальчика. Около уха рука замерла. Он раскрыл ладонь и протянул мальчику монетку.

– Что надо сказать, Кош?

– Спасибо, Бейтмен. – Мальчик робко взял монетку.

Он опустил крыльцо, а Бейтмен вошел в дом.

– Вы кто? – послышался голос старика. – Что вам нужно?..

Послышался влажный шлепок, что-то грузно обрушилось на пол.

Старушка пронзительно закричала:

– Не надо! Не...

Снова влажный шлепок, и снова что-то упало на пол. Мальчик расслышал глухой стон. Потом булькающий звук и какое-то слово. Кажется, старушка пыталась позвать мужа. Послышались еще два шага, удар, и все стихло.

Сжав в руке монетку, мальчик взгляделся в темноту. Рот его наполнился слюной, перед глазами замелькали радужные сполохи. Единичные блески постепенно слились в ревуший огненный поток, будто впереди был яркий свет, а не непро-

Глядящая тьма.

I

Полуночный город¹

1

В тот год стояла убийственная жара. Нескончаемые, наполненные лихорадочным зноем дни оставляли ощущение нереальности. Под гул кондиционеров и звяканье кубиков льда в бокалах люди тихо сходили с ума. Город купался в ярком свете, принуждал жить в нескончаемом потоке сияния. А долгожданная ночь казалась иллюзорной, пронизанной электричеством. Всюду мелькали искорки: девушки в летних нарядах, парни с белозубыми улыбками.

С полуночи и до шести утра на их лицах сохраняется особое выражение. Они кочуют по барам, целуются на улицах, размахивают руками на тротуарах. Им кажется, что вчерашний день где-то далеко, а о будущем можно забыть хотя бы на несколько часов. Большинство из них – те, кто ищет в учебе спасение от экономического кризиса, хотя студенческие кредиты им в жизни не выплатить. Остальные работают где-нибудь за мизерную плату и отрываются в выходные. По ночам

¹ «Midnight City» – композиция французского музыкального проекта M85 с шестого студийного альбома «Hurry Up, We're Dreaming» (2011).

они ловят момент, и та неуверенность в будущем, которая не отпускает их днем, хотя бы ненадолго сменяется ощущением определенности. Шла моя сто двадцатая ночная смена. Первые шесть месяцев из вроде бы пожизненного срока.

Такая вот уверенность в будущем.

С полуночи и до шести утра я смотрел на лица молодых людей. Видел, как жизнь в буквальном смысле проходит мимо меня. Я кивал вместе с ними, улыбался вместе с ними и тоже старался ловить момент. Не высовывался и жадно впитывал положительный заряд, энергию этих искорок везде, где только мог.

Мы уже ехали по Уимслоу-роуд, когда поступил вызов. Эта широкая магистраль тянется по городу почти на шесть миль, связывая богатые южные районы с борющимися за выживание центром. По этой улице проходит самый популярный автобусный маршрут в Европе, поэтому на ней всегда много такси, двухэтажных автобусов, пассажиров и света. А в последнее время – еще и пожаров в урнах вдоль дороги. Поскольку такие поджоги считались мелким и бессмысленным хулиганством и происходили всегда после наступления темноты, разбираться с ними приходилось тем, кто дежурил в ночную смену.

Постоянно ночью работали только двое.

Иногда для отчета дежурили молодые детективы, и несколько раз в месяц нас подменяли временщики. Работа по ночам означала отсутствие либо личной жизни, либо ка-

рьерных перспектив. За несколько лет работы в полиции я добился и того и другого.

Урна уже догорала. Мы с напарником посмотрели на тлеющие угли, поспрашивали очевидцев и собрались уезжать, но заметили, что на обочине с другой стороны дороги толпятся подростки. Я взглянул на время и, лавируя в потоке машин, направился к ним.

Молодежь собралась почтить память погибшего друга по имени Саби Сеиф. Друзья звали его Верзилой. Восемнадцатилетний первокурсник совсем недавно переехал в город. Несколько часов назад он увидел, как ограбили девушку, и погнался за вором. Не глядя, выбежал на проезжую часть и попал под колеса автобуса.

Вор скрылся.

На месте аварии светились обычные и ультрафиолетовые фонарики, лежали цветы. С десяток друзей Верзилы слушали грустные песни на телефонах, передавали по кругу запотевшие банки пива. Я напомнил собравшимся, что не стоит выбегать на дорогу, и вернулся к машине. Мы ездили на черном «БМВ» без полицейской маркировки, но преступники легко нас вычисляли. Чаще всего по пассажиру, втиснувшись на переднее сиденье. Мой начальник – детектив-инспектор Питер Сатклифф – походил и на копа, и на преступника. И на кого больше – еще вопрос.

– Ну, как там молокососы? – спросил он, не отрываясь от чтения спортивной колонки.

Сатклифф представлял собой величайшую загадку природы. Родился ли он говнюком или стал им благодаря несчастному имени?² Пиджак на нем чуть не лопался и насквозь промок от пота. От грузного тела шел такой жар, что пришлось настезь открыть дверцы.

– Передают-то что? – Я кивнул на рацию, из-за которой он позвал меня обратно в машину.

Сатклифф перевернул газетную страницу и фыркнул:

– Очередная фигня.

Я ждал.

Сатти со вздохом сложил газету:

– Преступление на сексуальной почве...

– На сексуальной почве?

У Сатти постоянно отекало то лицо, то шея, то все тело, а кожа имела мертвенно-бледный оттенок. Ни дать ни взять – жертва неумелого бальзамирования. Мы никогда не звали его полным именем. Просто Сатти, чтобы не пугать народ еще больше.

– Ну и жарщица, черт подери. – Сатти провел ладонью по редющим потным волосам. – Мне будто кровь от Фредди Меркьюри перелили со всем букетом заразы. – Он поднял голову, вспомнил о моем присутствии и желчно улыбнулся. – Ты же знаешь, Эйд, я отключаюсь при слове «сексуальный».

² Питер Сатклифф (1946–2020) – британский серийный убийца, прозванный Йоркским Потрошителем; арестован в 1981 г. и приговорен к пожизненному заключению за 13 убийств на сексуальной почве, совершенных в период с 1975 по 1980 г.

Но в Оуэнс-парк съездим, раз ты жаждешь поработать...

Преступление на сексуальной почве...

Больше девушек Сатти ненавидел только меня. Всякий раз, как я садился в машину или выходил из нее, он принимался мазаться спиртовым антисептиком. Со стороны это выглядело так, будто он радостно потирает руки. Я одарил его улыбочкой, чтобы не скучно было. Потом включил поворотник и выехал на дорогу.

2

В Оуэнс-парк мы приехали около полуночи. Самое большое общежитие в городе служило домом более чем двум тысячам студентов, в основном первокурсникам. Кампус, раскинувшийся на огромной зеленой территории, состоял из пяти корпусов. Один из них, в виде башни, мрачно возвышался над деревьями. Серые корпуса резко выделялись среди зелени. Жилье мечты для тех, кто родился в период послевоенного беби-бума. Строили его в шестидесятых годах, основательно, но теперь общежитие выглядело на свой возраст. Его хотели отправить под снос и построить на этом месте что-то другое, но, когда почти дошло до дела, пожалели и оставили. И так не город, а сплошная стройка.

Я припарковался и посмотрел на Сатти:

– Пойдешь?

– В таких случаях лучше говорить с глазу на глаз. Вот если нужно будет в ее белье покопаться, тогда звони. – Он снова уставился в газету. – Ты умеешь девчужек убалтывать...

Я вышел из машины, не обращая внимания на его тон и искренне радуясь, что брать его с собой не придется. Мы с Сатти представляли собой две разновидности плохого полицейского. Нас поставили напарниками в качестве своеобразного наказания, и теперь мы старательно отравляли друг другу жизнь. Больше нас ничего не объединяло.

Я вошел в ворота. Яркий белый свет фонарей указывал путь. Запах свежескошенной травы пробудил в душе волнение. Я не жил в этом общежитии, но в юности заживал сюда на вечеринки и в гости к друзьям. Теперь казалось странным, что ни с кем из них я больше не общаюсь, а все эти годы другие люди обитали в их комнатах, спали на их кроватях, жили их жизнью. На мгновение показалось, что я вот-вот окажусь в прошлом. В стране Нетинебудет. Рядом раздался взрыв хохота. Мимо пробежала девушка, а за ней парнишка с водяным пистолетом. Смеясь, они скрылись в темноте. Глядя им вслед, я еще острее ощутил горькую правду жизни. Я состарюсь. А Оуэнс-парку всегда будет восемнадцать.

Я сверился со схемой расположения корпусов, нашел нужный и позвонил в квартиру на втором этаже. Вокруг стояла зловещая тишина. Земля отдавала накопленный за день зной. Светящиеся окна солидных серых зданий через дорогу недобро тарацились на меня. Услышав щелчок замка, я отвернулся от них и открыл дверь.

У стены в коридоре стояли велосипеды, с потолка свисала голая лампочка. Я поднялся на второй этаж. Дом, построенный в городе, где всего несколько десятков лет назад подобной жары не представляли, почти не проветривался. Я обливался потом. Из-за дверей доносились неторопливые разговоры. В воздухе стояла типичная для студенческих общежитий смесь запахов: дезодоранты, бухло, наркотики...

Та еще душегубка.

По лестничной площадке напряженно расхаживал парень. Темнокожий и симпатичный, в стильном спортивном костюме черного цвета. Увидев меня, парень отхлебнул из большого матового бокала и нахмурился.

– Я думал, женщину пришлют.

Я остановился:

– Какого рода услуг ты ожидал?

Он фыркнул, подошел ближе – из бокала пахнуло мятой – и сказал вполголоса:

– Я насчет подруги звонил. Она не знает. Думал, сотрудницу пришлют, раз по женским делам.

– По женским делам?

Он кивнул:

– Я же сказал, когда звонил. Вы там не общаетесь друг с другом, что ли?

– Диспетчеры не очень разговорчивые ребята, мистер...

– Эрл.

– Это имя или фамилия?

– Сойдет и за то и за другое. А вас как зовут? В смысле, официально.

– Уэйтс, – улыбнулся я.

– Легко запомнить, – сказал он, подумав, и провел меня в общую кухню. – Тут паркуйтесь. Сейчас Соф найду.

Из коридора фоном слышалась музыка в ритме хип-хопа, но никого не было видно. На улице стемнело, а на кухне горел свет, так что я видел свое отражение в черном зеркале окна. На столе стояли подносы с колотым льдом, мятой, сахаром, лаймом. Шеренга бокалов и запотевшая бутылка рома.

– Что?! – раздался из-за двери девичий голос.

Я сидел под чересчур яркими флуоресцентными лампами и ждал. Вскоре вернулся Эрл. Он направился прямоком к подносам и, не обращая на меня внимания, принялся смешивать какой-то крепкий коктейль. Движения у него были отточенные, как у профессионального бармена, – он даже бутылку в руке крутанул.

– Барменом тружусь, в «Алхимике», – пояснил он, заметив мой любопытный взгляд.

«Алхимик» был известным баром в Спиннигфилдсе³. Его посещение могло нанести непоправимый ущерб здоровью и

³ Спиннигфилдс – район Манчестера.

кошельку.

– Натe. – Эрл резко подвинул ко мне коктейль. – Мохито.

– Я при исполнении. – Я еле успел задержать бокал рукой.

– Это не вам, Шерлок. Может, она захочет. – Эрл кивнул на дверь комнаты и ретировался к себе.

Бокал был такой холодный, что заломило пальцы. Я подошел к двери и постучал.

Не зная, чего ожидать.

– Войдите, – ответил робкий голос с южным выговором.

В комнате витал легкий запах крема для загара. На кровати сидела очень юная девушка в футболке и джинсовых шортах. Плечи у нее слегка обгорели на солнце, но кожа так и светилась после нескольких недель естественного насыщения витамином Д. Круглое лицо с россыпью веснушек. Порыв воздуха от настольного вентилятора взметнул ее волосы – каштановые с высветленными прядями. На ногах у нее виднелись синяки, но девушка не выглядела ни расстроенной, ни потрясенной. Только слегка смущенной и растерянной. Она закрыла ноутбук и сдвинула его на край стола.

– Я думала, вы старше... – начала она.

– Если определять возраст по печени, то я уже глубокий старик.

На лице девушки появилось подобие улыбки. Я протянул ей бокал, назвался:

– Детектив-констебль Эйдан Уэйтс.

– Софи, – представилась она.

– Хочешь, поговорим на кухне, Софи?

Она задумчиво поглядела на меня:

– Нет, здесь нормально. Только дверь закройте, ладно?

Я так и сделал, потом подошел к дурацкому розовому стулу у письменного стола.

– Можно?

Он кивнула.

– Похоже, твой приятель беспокоится за тебя.

– Эрл – хороший парень...

– Только не очень разговорчивый...

– Удивительно, что он вообще вас вызвал. Он полицейских терпеть не может. В смысле...

– Да ладно, я его даже понимаю. Но и от нас бывает польза. Значит, раз уж он взялся за телефон, дело серьезное. Расскажи все с самого начала.

– Ну, я первокурсница... – сказала она таким тоном, будто это все объясняет.

– В этом нет ничего криминального. А что изучаешь?

– Английскую литературу.

– Слышал про такой предмет.

– В реальном мире практически бесполезен.

– Реальный мир и сам-то не очень полезен.

– Ага. – Она подержала холодный бокал у лба, потом отпила немного. – На прошлой неделе я ходила в ночной клуб. Вот, кстати... – Она взяла со стола мятый флайер и протянула мне.

«Инкогнито».

На фотографии была девушка в школьной форме. Рекламный текст старательно заманивал первокурсниц в ночной клуб. «*Первый раз даром (простите за каламбур)*». По слухам, презервативы – тоже даром. В основном девушки наведывались туда только раз, в полном соответствии с рекламной шуточкой. Выпивали бесплатные коктейли под похотливыми взглядами завсегдатаев и уходили. Но временами рассказывали и страшилки. С мужчин за вход брали двадцать фунтов, так что большинству хотелось оправдать расходы. Бывало, очередь в клуб змеилась до конца улицы.

– И про него слышал. – Я вернул флайер Софи.

– Я там познакомилась с одним человеком. Олли. Сильно старше меня, но ничего, приятный. Хорошо одет и все такое. Похоже, он там VIP-клиент.

Я хорошо представлял себе, как выглядят VIP-клиенты таких клубов.

Софи неосознанно провела ладонями по кровати.

– Мы поехали к нему и...

– Может, женщину-полицейского вызвать?

Софи помотала головой:

– Мы переспали, было неплохо.

– Синяки от этого? – Я кивнул на отметины у нее на ногах.

– Нет-нет, от велосипеда. Мне так нравится, что тут можно везде ездить. – Софи помолчала. – В общем, ночью все было нормально, но он снял видео... – Она осеклась и уста-

вилась на кровать.

– И теперь шантажирует тебя.

Софи, покраснев, кивнула:

– Я и не думала, что кто-то на такое способен. – Софи снова отпила из бокала. – Он сказал... намекнул, что, если я не соглашусь снова прийти к нему, он выложит запись в интернет.

– А ты не хочешь его больше видеть, так?

Она покачала головой.

– Фамилию Олли знаешь?

– А вам зачем?

– Побеседую с ним.

– Сейчас?

– А зачем откладывать.

– Так ведь ночь уже.

– Вот и хорошо, так до него быстрее дойдет, насколько все серьезно.

– А это серьезно? – переспросила она, очевидно пытаясь разубедить саму себя.

– Твой друг считает, что да. Я, пожалуй, тоже. Олли попытается шантажом заставить тебя делать то, что он хочет. Некоторые по-другому не умеют.

– Я не спрашивала фамилию. – Софи отвернулась. – Ну вот, теперь вы, наверное, такое про меня думаете...

– Ничего я не думаю. Как он выглядел?

– Старше вас, лет тридцать пять. Полноватый. Волосы ры-

жие, блеклые.

– Он нашел тебя и сообщил про видео. Вы обменялись номерами?

Софи покачала головой:

– Утром я проснулась и удрала. По глупости забыла у него куртку со студенческим билетом в кармане. Сегодня получила сообщение.

– Где живет Олли?

– В Киз⁴. Дом точно не помню. Вроде самый высокий.

– Можно взглянуть на сообщение?

Она посмотрела мне в глаза:

– Лучше не надо. – В ее голосе впервые прозвучало отчаяние.

Хорошо все-таки, что Эрл позвонил в полицию.

– Мне важно знать характер угрозы. И что ты предприняла.

– Это уже допрос? Но я вас не вызывала, это Эрл. – Она помолчала. – Родители меня прибьют.

– Если покажешь сообщение, я буду знать только то же, что и ты, – сказал я, поразмыслив. – Когда я его найду, то поговорю с ним неофициально.

– Там фотка есть.

– Все останется между нами.

– Вы как-то не тянете на священника. Без обид...

Я откинулся на спинку стула, увеличивая дистанцию меж-

⁴ Солфорд-Киз – район на берегу Манчестерского судоходного канала.

ду нами.

– Самый большой комплимент за последнее время.

Софи решилась. Открыла ноутбук, развернула экраном ко мне, а сама уставилась в стену.

«Поздравляю с премьерой, у тебя задатки звезды. Может, явим тебя миру? Или придешь и отговоришь меня?» Подмигивающий смайлик. Обнимашки.

К тексту прицепили гифку – закольцованную секунду видео: обнаженная Софи сидит на постели и смеется. Будто под кайфом. Я развернул ноут к ней, встал и положил на стол визитку:

– Я разберусь.

4

Я вернулся в машину. Воняло антисептиком – Сатти надраил гелем все, что можно. Рация скользила в руках.

– Потерпевшая не желает давать делу ход. Конец связи.

Теперь диспетчер закроем заявку.

– Как все прошло? – встрепенулся Сатти. – Собираешься прижучить подозреваемого?

Я открыл окно, чтобы не задохнуться, завел мотор и выехал на дорогу.

– Дай угадаю, – продолжал Сатти. – Сама страшнее ядерной войны, но говорит, что какой-то урод осмелился ее поцеловать.

Я молчал.

Сатти не имел ни семьи, ни друзей. Поговаривали, что он был подающим надежды детективом. Но потом стал проявлять нездоровый интерес к людским трагедиям и увлекся ночными дежурствами. Случилось это лет десять назад. Теперь он жил только работой. В основном мы патрулировали улицы, ища неприятностей. Тешили себя надеждой начать серьезное расследование. И довести его до конца. Надежды обычно не оправдывались – дело приходилось передавать дневной смене. На следующую ночь оно чаще всего возвращалось к нам – информация причудливым образом искажена, элементарные оперативно-розыскные мероприя-

тия не проведены. Мы, агенты в штатском, были официально подотчетны Отделу уголовных расследований, но там про нас редко вспоминали. Детективы в форме относились к нам чуть лучше, чем крайне пренебрежительно. Я всем этим занимался, потому что у меня не было выбора.

Но Сатти обожал свою работу.

Люди его одновременно притягивали и отвращали. Всех парней он считал неженками и придурками, девушек – проститутками или еще хуже – феминистками, но с радостью просиживал ночи в камерах с задержанными, слушая их признания. Подвозил домой тех, кто потерялся, напился или сделал и то и другое. С виду вроде как проявлял сочувствие, на самом же деле упивался чужим моральным падением.

И вносил в него свою лепту.

То косвенно сдаст информантов отъявленным головорезам, то высадит эскортниц в самом криминальном районе. Он рассказывал мне, что как-то раз явился на собрание «Анонимных алкоголиков», вылил бутылку водки в бесплатный кофе и смотрел, как присутствующие пьянеют.

– Подвез потом одну шалаву крашеную, – говорил он. – Оттрахал так, что у нее чуть шевелюра не полиняла.

Наша совместная работа была войной на измор.

Сатти открыто меня презирал, но любое проявление ответных чувств лишь подпитывало его ненависть. Так что я старался разговаривать с ним как можно нейтральнее. В ответ на грубейшие слова и выходки я лишь молча улыбался,

чтобы не доставлять ему ни малейшего удовольствия.

Он был крупного телосложения, и ссорились мы часто, но физической агрессии с его стороны я не боялся. Слишком его устраивало существующее положение дел. Однако с моральным давлением все обстояло иначе. Как-то мы стояли на обочине с погашенными фарами и ловили нарушителей скоростного режима. Было то ли три, то ли четыре часа утра. Сатти от нечего делать принялся рассказывать случаи из своей практики и постепенно добрался до первого дежурства в ночную смену. Он тогда приехал на вызов в собачий приют.

– Стоит такая ведьмочка у входа. Длинное черное пальто, перчатки без пальцев, все дела. И трясется вся, будто ее бьет током или голоса в голове не дают покоя. Особенно сегодня. Гитлер, Хо Ши Мин и Фред Уэст⁵ одновременно. Подхожу я к ней весь такой любезный, а она мне начинает втюхивать всякую религиозную чушь, спрашивать, спас ли я свою душу. Мол, будет второе пришествие Христа, уже началось и так далее и тому подобное. Я ей отвечаю, что, дорогуша, может, и будет, но точно не сегодня. Короче, оказалось, что она вломилась в приют и совершила какой-то обряд над собачками. Я попросил ее подождать на улице. Захожу в коридор, и в нос шибает просто невероятная вонь. В каждой клетке насквозь мокрые собаки. – Сатти рассмеялся. – Она их бензином покрестила. Сама стоит у двери, спиной ко мне, и вздра-

⁵ Фред Уэст – британский серийный убийца, действовал в период с 1967 по 1987 г., был арестован в 1992 г. и покончил жизнь самоубийством в 1995 г.

гивает. Спичками чиркает. Сумасшедшая сучка чуть не отправила нас к праотцам.

Наружу Сатти выбрался, но лишился бровей и большей части шевелюры. Он рухнул на лужайку и выкашливал легкие под вой и лай горящих заживо собак. А едва рассвело, пошел по следам странной женщины. В лесу следы оборвались. Больше ее никто и никогда не видел. Сама история меня не поразила – после ночных дежурств наслушаешься и про призраков, и про невероятные висяки.

Меня встревожила реакция Сатти.

– Тогда я и понял, – подытожил он. – Голод, войны, обездоленные дети... Мы родились под занавес, Эйд. Человечество в агонии. Мы запрограммированы на самоуничтожение. Отсчет пошел. Мы – последние люди на Земле.

Он говорил серьезно. И что хуже всего – восторгался своей теорией.

Ночная смена для всех означала разное. Для начальства – способ услатить неугодных подальше, практически в небытие. Для меня – проявление трусости, возможность спрятаться от себя самого и смотреть, как жизнь проходит мимо. Но для моего напарника ночная смена и была жизнью. Местом в первом ряду на светопреставлении. И он уже аплодировал стоя.

– Ну, что я говорил? – Сатти в очередной раз полил себе лицо, шею и грудь антисептиком. – Сборище идиотов.

Ночной клуб «Инкогнито» располагался в лофт-баре за вокзалом Пиккадилли. Очередь начиналась у входа и заканчивалась за углом. Мужчины стояли группками, курили и ругались. Их бесили яркие неоновые огни, жара и то, что девушки в летних нарядах равнодушно проходят мимо. У большинства ожидающих были стрижки под машинку и рубашки навывпуск. Голоса сливались в монотонный гул, который прокатывался туда-сюда по очереди.

– Порция генетического высера. – Сатти достал из бардачка влажные салфетки и вытер руль, который я только что выпустил из рук.

Хотя эта нелестная характеристика мужчин, по его мнению, относилась и ко мне тоже, нельзя было не признать, что все двадцать человек в очереди выглядели как под копирку.

– Прогуляться не желаешь? – спросил я.

Сатти выбросил скомканную салфетку в окно.

– Ноги бы не мешало размять. Знаешь хозяина?

Уже на улице я покачал головой.

– Чувак тащится сам от себя. Тот еще красавчик. Видок как у певца с круизного лайнера, который лет десять в порт не заходил.

К входу подошли две девушки, держась за руки. Мужчины перестали бубнить и жадно уставились на них. Охранник скривился, будто только что замахнул чего-то крепкого. Потом отступил в сторону, пропуская девушек, и проводил их взглядом до лестницы. Он был подстрижен так коротко, что виднелись вены на голове. Чуть короче – и можно было бы прочесть его мысли.

Охранник покосился на Сатти:

– Встань в очередь, красавчик.

– Для тебя – детектив-инспектор. Повторять не буду.

Лицо охранника стало непроницаемым.

– Извиняюсь, детектив-инспектор. Чем могу помочь?

– Нам нужно поговорить с хозяином.

Охранник не сдвинулся с места.

– У клуба несколько владельцев. Скажите, кто конкретно вам нужен, и я договорюсь о встрече.

Сатти захохотал:

– Это с Гаем-то Расселлом встречу нужно назначать?

Сплю и вижу, чтобы моя фамилия засветилась в его ежедневнике.

Охранник не пошевелился.

– Да ладно, прекрасно ты знаешь этого чувака. Скользкий тип, без мыла в задницу залезет. В паричке, который выиграл бы в конкурсе «Сделай сам». Я знаю, что он здесь, а еще знаю, что у девушек ты документы не спрашиваешь, так что организуй нам беседу в неформальной обстановке.

– Пат, – обратился охранник к напарнику. – Постоишь тут минутку? – Он осклабился на нас золотозубой улыбкой, из-за чего на голове у него снова запульсировали вены. – Прощу, господа.

Мы проследовали за ним по коридору с липким, как лента для мух, полом и поднялись по лестнице. Охранник одной рукой прокладывал себе путь через толпу. Пары` духов и алкоголя образовывали едкую смесь; воздух колыхали ритмичные басы и волны отупляющей духоты. Мы очутились около бара. В небольшом полуосвещенном зале толкалась примерно сотня посетителей.

– Ждите здесь, – велел охранник.

Сатти любовно оглядывал собравшихся в зале мужчин и женщин. Их тут было почти поровну. В основном они стояли поодиночке, некоторые с опаской знакомились, единичные парочки вжимались друг в друга на танцполе. Основное действие разворачивалось в кабинках по периметру зала. Напротив четырех-пяти девчонок, втиснувшихся на один диванчик, сидели двое мужчин, а посередине блестели ведерки со льдом, где охлаждались бутылки дешевого игристого вина.

– Мистер Расселл вас примет, – объявил охранник, возникший со стороны танцпола.

– Я здесь подожду. – Взгляд Сатти перескакивал с одного столика на другой. – Бар покараулю.

В свете огней его лицо цветом напоминало кусок жирной протухшей курицы.

Охранник провел меня через танцпол к угловой кабинке, где рядом с юной девушкой сидел мужчина лет сорока пяти. Он неотрывно наблюдал за мной, а она пальчиком перелистывала сообщения в телефоне. Хозяин клуба полностью соответствовал описанию Сатти. Одет тщательно, но до странного старомодно. Облегающая черная рубашка, четыре верхние пуговицы расстегнуты. Он улыбнулся мне выученной искусственно-белой улыбкой и указал на сиденье напротив. Я скользнул в кабинку. Девушка не отрывалась от телефона. Ее наряд, похоже, подбирался специально под освещение в зале. В ультрафиолетовом свете неоновые цвета соблазнительно подчеркивали фигуру. Глаза с блестящей подводкой, на губах ярчайшая розовая помада. Девушка была лет на двадцать пять моложе своего спутника.

– Судя по вашему виду, вам бы не помешало выпить, – сказал тот, перебивая музыку.

Я промолчал.

– Алисия, – обратился он к девушке. – Принеси два «Джека Дэниелса» с кока-колой.

На столе стояло ведерко с бутылкой «Дом Периньон», но, очевидно, мне дорогостоящих напитков не полагалось. Алисия встала, не глядя на нас. Из-за цветных контактных линз ее взгляд казался отстраненным, неживым. Ее спутник подождал, пока светящаяся фигурка скроется в толпе, потом заговорил:

– Я Гай Расселл. У вас есть время до ее возвращения.

Он сидел так, что приглушенная красная подсветка танцпола омывала его лицо.

Наверняка это было его обычное место и намеренно выбранный ракурс освещения.

– Я бы хотел поговорить кое с кем из посетителей.

– Да? – Расселл подался ко мне, улыбнулся, озаренный светом. На его лице виднелись следы пластических операций. – И как ее зовут?

– Вообще-то, это он, – ответил я. – Олли или Оливер.

– Только не говорите, что ищите его по работе.

Я кивнул.

Его улыбка, подобно огням на танцполе, то вспыхивала, то гасла. Похоже, он что-то употребил.

– Олли или Оливер, значит?

– Лет тридцати пяти, полноватый, блекло-рыжие волосы.

– Описание не очень подробное... – Он явно увиливал от ответа. Делал вид, что имя ему не знакомо.

– Постоянный посетитель, – уточнил я. – Сорил тут днями на прошлой неделе.

Немигающие глаза Расселла иронично просияли.

– Вы же сами видите, у меня много постоянных посетителей, мистер...

– Детектив, – поправил я. – Эйдан Уэйтс.

– У нас много постоянных посетителей, детектив Уэйтс.

Большинство из них – транжиры. Можно поинтересоваться, зачем он вам?

– Нет.

Расселл поерзал на месте:

– Очернять «Инкогнито», надеюсь, не собираетесь?

– А куда уж чернее-то? – ответил я.

На его лице снова вспыхнула улыбка. Он набрал воздуха, собираясь что-то сказать, но тут вернулась Алисия с коктейлями. Поставила их перед нами и уселась на свое место. Выглядела она как существо из другого измерения.

– Прости, приятель. Время вышло, ничем помочь не могу.

Я не сдвинулся с места, и Расселл щелкнул пальцами у меня перед носом.

Я наклонился к нему:

– Не притворяйтесь, Гай. Знаю я, как тут все устроено.

Мы злобно глядели друг на друга, а девушка делала вид, что поглощена сообщениями в телефоне.

– Олли или Оливер, – повторил я.

– Как думаете, что главное в моем бизнесе?

Я посмотрел на него:

– Автомат по продаже презервативов.

– Нет, лично для меня.

– То же самое.

– Атмосфера, – ответил Расселл нетерпеливо. – И ее создаю не только я. Не только Алисия. Атмосфера понимания, приватности. Анонимности. Многие из этих парней несвободны. И даже женаты. Приходили бы они сюда снова и снова, если бы думали, что я раздаю номера их кредиток напра-

во и налево?

– Тот, кого я ищу, домогается несовершеннолетнюю.

Алисия перестала водить пальчиком по телефону.

– Она тоже была одной из посетительниц.

– Посмотрите на бар, – сказал Расселл. Около барной стойки в другом конце зала толпились клиенты с наличными и кредитками в руках. – Несовершеннолетние девочки мне кассу не делают, детектив.

– По-вашему, мужчины сюда приходят музыку послушать?

Его улыбка вспыхнула и сползла с лица. Он пристально посмотрел на меня, потом взял мой нетронутый коктейль и вылил его в ведро со льдом.

– Алисия, похоже, наш друг снова хочет выпить.

Девушка встала, сразу поняв намек.

Расселл вытянул шею, глядя ей вслед. За ушами у него виднелись следы круговых подтяжек. Из-за этого казалось, что он в маске, которая потихоньку сползает. Алисия о чем-то разговаривала с охранником в баре.

– Не пьяйтесь, детектив. – Расселл наклонился ко мне. – Я тут одну девчонку вчера подвозил. Ползала передо мной на коленях. Руки все зацеловала, прямо обсосала. Я думал, пальцы вывихнет. А я ей сказал, получишь больше, если согласишься...

– На что?

– Прийти в наш клуб. Все анонимно. Лучшее заведение,

у меня нет конкурентов. И вообще, в городе, где за каждой вывеской «клуб» скрывается притон или что похуже, откровенности никто не требует.

– А вы, значит, откровенничаете?

– Мужчинам подавай девчонок помоложе. А девчонкам – мужчин побогаче. Но вас такой расклад, я вижу, не устраивает. Жертв ищете? Их тут нет, приятель. Каждый получает, что хочет и когда хочет. Подавай ему имя парня, который тут был на прошлой неделе. – Он рассмеялся. – Посмотрите правде в глаза и катитесь отсюда.

Настала моя очередь улыбаться. Я встал, радуясь тому, что мне открылось истинное лицо хозяина заведения.

– Вы мне очень помогли, мистер Расселл. Благодарю вас. Вернулась Алисия с коктейлем.

– Вот, пожалуйста, – предложил Расселл. – Получите удовольствие за мой счет.

Я взял бокал и опрокинул его содержимое на голову Расселлу.

– Все как вы просили. – Я вручил пустой бокал ошалевшей девушке.

Охранник обхватил меня локтем за шею и потащил к выходу.

Сатти хохотал как сумасшедший.

– Я же тебе говорил. Собака не поймет, что перед ней дерьмо, пока ее носом в него не ткнешь.

Мы направились к машине через дорогу.

– Эй! – крикнул кто-то сзади.

Я обернулся. К нам шла Алисия.

– Коллекционируешь ты этих девиц, что ли? – зевнул Сат-ти. – Ладно, буду у себя в офисе.

Я пошел навстречу Алисии:

– Ты меня звала?

– А кого еще? Думаете, можно просто так заявиться и испортить людям жизнь?

– Кроме парика, я ничего не испортил. Есть что сказать по делу?

Она посмотрела на меня через свои непроницаемые линзы:

– Да, кое-что.

– Рассказывай. – Я проводил ее обратно на тротуар. – Тебе лет сколько?

– Восемнадцать, – неохотно проговорила Алисия, думая, что я сомневаюсь, можно ли ей уже алкоголь.

– Я сегодня разговаривал с твоей ровесницей, которая на прошлой неделе напоролась здесь на ублюдка. Мне нужно имя, чтобы его приструнить. Твой дружок считает, что я прошу слишком много. А ты?

– Смотря кто этот ублюдок.

– Олли или Оливер.

Она не сдвинулась с места.

– Слушай, если знаешь, о ком я говорю, помоги, пожалуйста-

ста. Мне нужна фамилия или любая другая информация. – Я шагнул к ней, пропуская посетителей, направлявшихся в клуб.

Алисия сложила руки на груди и тихо произнесла:

– Картрайт.

– Оливер Картрайт?

Она едва заметно кивнула.

– А где живет, не подскажешь?

– Башню Империял-Пойнт знаете?

– В Киз?

Она кивнула:

– Квартира десять-три.

– Расскажи о нем.

Но она уже отвернулась и пошагала обратно в клуб, обхватив себя руками за плечи.

– Ты знала, – сказал я ей в спину.

Она остановилась.

– Как только я сказал про домогательства, ты сразу поняла, о ком я.

Она полуобернулась:

– Мы с Олли были неподходящей парой. Оба любим доминировать.

– Подвезти тебя куда-нибудь?

– Куда, например?

– Домой.

Алисия улыбнулась. Сначала едва уловимо, потом широ-

ко. Провела тыльной стороной ладони по губам, будто пыта-
ясь стереть улыбку. На запястье осталась ярко-розовая по-
лоса помады.

– А мне не надо никуда ехать.

Я не ответил, и она вновь рассмеялась:

– Гай Расселл – мой отец.

6

От вокзала Пиккадилли до Киз двадцать минут езды, минуя центр. В это время суток на дорогах было пусто.

– Зачем нам туда? – недоумевал Сатти.

– Вряд ли тебе будет интересно.

– Да делай что хочешь. – Сатти отвернулся к окну. – Меня, главное, не впутывай.

– Во что? В работу?

– Да во что угодно, – отмахнулся он. – Снова твои чертовы девчонки. Прошлого года мало?

– Ты – мастер закрывать глаза на дело, Сатти. На все дела.

Он одарил меня тем еще взглядом, но промолчал.

Остаток пути мы проделали в тишине.

В Киз приехали к половине первого ночи. Раньше на этом оживленном участке Манчестерского канала располагались доки. Когда производство переместили за границу, они постепенно пришли в упадок. В восьмидесятых до района добралось новое поколение городских застройщиков. После полумиллиардных вложений в строительство на месте порта возникли ультрасовременные высотки с зеркальными фасадами. Единообразные конструкции из стали и светоотражающих панелей казались огромными осколками стекла, воткнутыми в землю под невероятными углами. Архитектура района и материальное положение здешних жителей резко

контрастировали с обветшалым жилым фондом города.

Я вышел из машины и направился к входу в здание. Сатти тут же занялся протиранием руля.

Башня Империял-Пойнт стала первой и самой высокой здешней постройкой. Это было разноуровневое здание асимметричной формы. Этакое визуальное воплощение обваливающегося рынка ценных бумаг. В отличие от Оуэнс-парка, затихшие улицы и здания Киз не пробудили во мне никаких воспоминаний. В этот район меня вызывали только по поводу семейных ссор. То ли стены тут были особо тонкие, то ли люди особо несчастные.

Я позвонил в домофон и представился консьержу, скобочившему за стойкой. Похоже, я его разбудил.

– Я вас провожу наверх... – Он оправил на себе рубашку.

– Спасибо, я найду, – ответил я на пути к лифту.

Я вышел на десятом этаже и ступил на качественное, как в дорогих гостиницах, ковровое покрытие. Над головой гудели кондиционеры. Стены на ощупь были ледяными. Светильники с сенсорными датчиками загорались и снова гасли. Замершие коридоры казались одинаковыми. Я дважды прошел по кругу, прежде чем нашел квартиру 1003. В дверной глазок кто-то смотрел. Не успел я постучать, как дверь приоткрылась на цепочке, и в щель выглянул хозяин квартиры.

– Олли Картрайт?

– А вы кто? – Он оглядел меня.

– Детектив-констебль Эйдан Уэйтс.

– Уже глубокая ночь, детектив. Что вам нужно?

– Может, поговорим в квартире?

Хозяин посмотрел на меня. Я – на него.

Он закрыл дверь, убрал цепочку. Снова открыл дверь и процедил сквозь зубы:

– Проходите.

Среди мужских пиджаков с подплечниками на вешалке выделялась поношенная женская джинсовка. Я прошел в бежево-серую гостиную. Мебель выглядела новехонькой; на дальней стене красовался телевизор размером больше входной двери. Под ним стоял дорожный чемоданчик с жестким корпусом. Я сел. От кондиционера веяло прохладой. В уголках стеклянного журнального столика виднелись остатки какого-то порошка.

Так-так, кто-то решил расслабиться.

Картрайт в халате с монограммой стоял у двери и наблюдал за мной. Пытался выглядеть сурово. Крупный мужчина лет тридцати пяти – сорока, как и говорила Софи. Редящие волосы, обвисшие щеки, красное от выпивки лицо. Мне стало досадно оттого, что девушка, с которой я совсем недавно разговаривал, провела с таким ночь. Захотелось выместить на нем злость.

– Садитесь, – сказал я.

Картрайт пересек комнату, шаркая тапочками.

Я закрыл глаза. Открыл.

Картрайт грузно опустился в кресло напротив.

– Так в чем дело?

– Это вас нужно спросить.

Он раздраженно поглядел на меня.

– Ладно, я подожду, – сказал я. В кармане завибрировал телефон. Я не стал его доставать. – Расскажите о себе.

– Что именно?

– Полное имя, место работы...

– Вы что, телевизор не смотрите?

– Что вас больше нервирует: что я вас разбудил или что не знаю, кто вы такой?

– Сперва докажите, что вы полицейский, – хмыкнул Картрайт.

Я протянул ему удостоверение. Он внимательно его изучил, стараясь запомнить имя. Вернул. Потом посмотрел на меня с притворно-обходительной улыбочкой. Где-то я ее уже видел.

– Меня зовут Оливер Картрайт. Я ведущий на «LOLitics», – произнес он с вопросительной интонацией.

Название ассоциировалось у меня со злобной политической сатирой правого толка. А ведущий – с этакой говорящей головой, при появлении которой на телеэкране сразу переключаешь канал.

– Полюбопытствую, что за передача. Чемодан зачем? Уезжаете?

– В Дубай во вторник.

– По работе?

– В отпуск...

– Вы холостяк?

– Да; послушайте, это похоже на вмешательство в частную жизнь.

– Вмешательство в частную жизнь. Как раз об этом и пойдет разговор.

Он собрался что-то ответить, но передумал.

– А как насчет социальной жизни, Олли? Куда выпить ходите?

– Туда, где продают выпивку. А что не так?

– В «Инкогнито» бываете?

Он нервно откинулся на спинку кресла.

– Может, вы и зарабатываете на жизнь ложью, но лгать полицейскому – значит нарушать закон.

Картрайт скривился, будто проверяя языком, не застряла ли в зубах пища.

– Я не лгу, детектив.

– Вы знаете, почему я здесь. У вас в прихожей висит женская куртка. Вряд ли она на вас налезет...

– А, классика жанра. – Картрайт посмотрел на меня из-под полуопущенных век. – Перепихнулась разок, а через неделю заявляет, что ее изнасиловали.

– Почему вы так решили?

– Эти девицы как из инкубатора, вечно им все неладно. Головой не думают, а на следующий день жалеют о содеянном. Она была весьма не против, если вы об этом.

– Это еще надо доказать, – сказал я. – Мы серьезно относимся к подобным делам...

Картрайт снисходительно улыбнулся, будто это он меня допрашивает, а не я его.

– Вообще-то, доказать я как раз могу. – Пожав плечами, он выудил телефон из кармана халата и начал что-то в нем искать. Я даже удивился. Неужели он настолько глуп, что покажет мне видео? Найдя нужный файл, он улыбнулся и протянул мне телефон. На остановленном кадре была Софи. Я запустил видео, и комнату наполнили вздохи. На кровати лежала девушка, Олли навис над ней. С непередаваемым выражением лица. Он не верил своей удаче.

– Выглядит очень довольной, правда? – Он плотоядно усмехнулся.

Мне хотелось сбить ухмылочку с его лица. Я остановил видео, удалил его, открыл «Корзину» и стер все, что там было. Олли попытался выхватить у меня телефон, но я успел отдернуть руку.

– Копии есть?

– Нет, вы...

– Сядьте, Олли.

– Что?

– Сядьте.

Он, поколебавшись, сел.

– Итак, главная новость на сегодня...

Картрайт со скучающим видом закатил глаза.

– Я не верю, что нет копий.

– А мне плевать, во что вы верите. – Он разжал сложенные на груди руки.

Я пристально посмотрел на него, потом провел пальцем по столешнице и показал ему следы белого порошка.

– Будете утверждать, что это перхоть?

Он покраснел.

– Не верю, что нет копий, – повторил я.

В кармане снова завибрировал телефон.

– Давайте поглядим на компьютере. Удалим копии, и вы меня больше не увидите. – Я снова посмотрел на него. – А Софи больше не увидит вас. Договорились?

– Да, – ответил Картрайт, не отводя взгляда.

Он провел меня в кабинет, открыл файлы на компьютере. Среди всевозможных видео не обнаружилось ни одного с прошлой недели. Мой телефон снова завибрировал. Я бросил взгляд на экран. Сатти. Пришлось извиниться и уйти в соседнюю комнату.

– Ты что, переехать в этот чертов дом решил?

– Буду через пять...

– Работа наклюнулась. Даю минуту, или ножками потопаешь. – Сатти повесил трубку, а я вернулся в кабинет.

Картрайт посмотрел на меня:

– Я же говорил, нет копий.

Я ему не верил, но в его голосе слышался непритворный страх.

– Ладно. Но если врите, то следующее порновидео придется снимать уже в тюрьме. – Я направился к двери, в коридоре взял куртку Софи. – Это я забираю.

– Невелика потеря.

– Легко отделались, Олли. Всего хорошего.

С гулко бьющимся сердцем я вышел на улицу. Сатти стоял, прислонившись к машине, и пытался набрать эсэмэску костяшкой указательного пальца.

– Ну, наконец-то, – сказал он, заметив меня.

– Что случилось?

– Незаконное проникновение. «Палас-отель».

Я сел в машину, завел мотор. Руль снова был скользким от антисептика.

– А что, патрульные не могут поехать на вызов?

– Их работа денег стоит, – сказал Сатти. Потом кивнул на женскую джинсовку, которую я бросил на заднее сиденье. – Даже знать не хочу, что это.

«Палас-отель» – огромное викторианское здание красного кирпича на углу Оксфорд-роуд и Уитворт-стрит, напротив пабов «Гранд-Централ» и «Жаждающий ученый»; а за углом неподалеку – ресторан «Черный пес». Часовая башня отеля вздымается на двести футов ввысь, выделяясь на фоне городского пейзажа. Давным-давно бывали ночи, когда я напивался так, что не понимал, где нахожусь, и башня служила мне маяком. В то недоброе старое время я даже раз или два ночевал в этом отеле – с девушкой, которую только что подцепил, или просто потому, что было слишком поздно ехать домой. Было жаль, когда отель закрыли. Ремонт предполагал изменения, а «Палас-отель» был архитектурным памятником, раритетом, который должен оставаться неизменным. Его двери закрылись довольно давно, и в прессе не сообщалось ничего о том, откроются ли они вновь. Даже часы, на которые я всегда полагался, теперь показывали неправильное время.

Час ночи.

Вход представлял собой внушительную беломраморную арку в контрастной стене красного кирпича. На улице нас ждала молодая женщина. Я сначала не понял, почему у нее изо рта выходит парок, но потом заметил синий огонек электронной сигареты. Элегантный наряд и уверенная поза жен-

щины выглядели свежо на фоне ночного города, разомлевшего от зноя. Она смотрела куда-то перед собой, выдыхала искусственный дым и не сразу нас заметила.

– Полиция? – спросила она, убирая сигарету в сумочку.

– Детектив-констебль Уэйтс и детектив-инспектор Сатклифф.

– Мы слышали, у вас непрошенный гость, миссис... – заговорил Сатти.

– Мисс, – поправила она.

– Ладно, из уважения к политкорректности выразимся нейтрально... – улыбнулся Сатти. – Госпожа...

– Аниса Хан.

– Какое вы имеете отношение к «Палас-отелю», госпожа Хан?

– Я работаю в адвокатской конторе Энтони Блика. Мы ведем переговоры о продаже отеля.

– Не знал, что он продается, – заметил Сатти. – А то сделал бы вам выгодное предложение...

Она едва заметно улыбнулась – будто тень на лицо набежала.

– Не вышло бы, инспектор. Официально отель закрыт на ремонт, настоящая причина не афишируется.

– И какова она?

– Супруги-владельцы со скандалом разводятся и делят имущество.

– Отель пустует?

– По идее, да. – Она пожала плечами. – Пойдемте узнаем, что случилось.

Свет исходил только от стойки администратора в дальнем конце огромного вестибюля. В это впечатляющих размеров помещение почему-то не проникала уличная жара. Многие элементы декора сохранились со времен постройки отеля в начале девятнадцатого века. Когда-то в нем располагалась старейшая страховая компания, а само здание отличалось изысканностью стиля, не присущей современной архитектуре. Уходящий ввысь купол потолка с цветными витражами. Полы из гладкого блестящего мрамора, по периметру зала – огромные колонны. В мире тесных помещений и запруженных людьми улиц огромное пустое пространство даже в час ночи казалось чем-то невероятным.

– Сигнализация сработала около часа назад. – Аниса говорила тихо, но голос ее отдавался эхом где-то под сводами. – Ее никто не выключил, и тогда позвонили мне.

– В таком большом здании что-нибудь могло случайно упасть...

– У нас есть ночной сторож, Али. Я до него не дозвонилась.

Все посмотрели на пустую стойку администратора. На лампу, повернутую в сторону двери, так что свет бил прямо в глаза входящим. Остальной вестибюль тонул в темноте.

– Здесь обычно сидит охранник? – спросил я.

Аниса кивнула, не отрывая взгляда от стойки.

– Проверю, что там. Можете подождать здесь. – Я пошагал к свету.

Спустя мгновение Аниса пошла за мной – каблочки застучали по мраморному полу.

Следом послышался вздох Сатти и скрип дешевых ботинок.

Я дошел до рабочего места Али и отвернул лампу в сторону. Плафон сильно нагрелся, значит лампа горит с вечера. За конторкой пусто, внизу на столешнице телефон, магнитная ключ-карта и кружка кофе. Ботинки Сатти проскрипели ко мне, он перегнулся через конторку и, потрогав кружку, заявил:

– Ледяная.

Я обошел конторку, взял мобильник:

– Это его телефон?

Аниса кивнула. Я нажал кнопку включения, экран засветился. Пять пропущенных звонков.

– Это я звонила... – пояснила Аниса.

– Может, он делает обход?

– Без телефона?

– Или отсыпается где-нибудь в номере. – Сатти зевнул, прикрывшись рукавом.

– После чего?

– Ну, после чего обычно хочется проспать... – ответил Сатти.

– На него не похоже.

– Хотел бы я верить в людей, да что-то не получается.

Аниса перевела взгляд с него на меня.

– Меня вызвали, потому что сработала сигнализация и никто ее не выключил. Али нет на посту, но где он тогда?

– Ладно, осмотрим здание... – Сатти подошел к лифту, нажал кнопку вызова.

– Лифты еще не приняла комиссия после ремонта, – сказала Аниса и в ответ на его недоуменный взгляд пояснила: – Они не работают, инспектор.

– Как и ваш сторож. – Сатти покосился на роскошную лестницу, которой был знаменит отель, и покачал головой. – У меня на высоте кровь из носа течет. Топай ты, Эйд. Мы займемся первым этажом.

Я заговорщицки посмотрел на Анису и направился к лестнице.

– Я с вами, – сказала Аниса.

Сатти фыркнул, но ничего не сказал.

– Он в самом деле ваш начальник? – спросила Аниса, когда мы отошли подальше.

– Ага, он ничего, если узнать его получше.

– Честно?

Я покачал головой:

– Вообще-то, я надеялся, что он пойдет наверх. Глядишь, к четвертому этажу окочурился бы.

Аниса нервно улыбнулась:

– Покажите-ка документы.

Мы остановились.

Лестница тонула в полутьме.

– Как-то не верится, что вы полицейский...

– Вы очень проницательны.

Она недоуменно изогнула бровь. Я полез в карман за удостоверением:

– Мне и самому в это не верится. – Я показал ей документ, и мы продолжили восхождение. Ступеньки казались бесконечными, между этажами было по два больших пролета. – Расскажите про сторожа.

– У нас их два, дежурят посменно. Али – ночной сторож, очень хороший человек.

– Давно тут работает?

– Столько же, сколько я занимаюсь делами отеля, то есть со времени его закрытия. Месяцев шесть...

– Одного человека маловато на такое помещение. Здесь сколько номеров, двести?..

– Почти триста.

– И все заперты? – поинтересовался я на площадке второго этажа.

– Совершенно верно...

Круговые коридоры неизменно приводили обратно к лестнице. Мы повернули налево, и нас окутал мерный шум. Звонящая тишина огромного пустого здания. Гудели лампы, водопровод, еще какое-то оборудование. Воздух сгустился и застоялся без человеческого присутствия. Под ногами по-

скрипывала ковровая дорожка. Я подергал ручки нескольких дверей. Эти заперты, значит остальные – тоже.

– Вы бывали тут раньше? Когда отель работал? – спросила Аниса с деланным воодушевлением. Наверное, пыталась заглушить тревогу. Непривычно, должно быть, ночью шагать по пустому отелю в сопровождении незнакомца.

– Раз или два, – ответил я. – Помню, как блуждал по этим коридорам.

– Тот еще лабиринт.

– Так, может, и Али где-то ходит. – Я хотел ободрить ее, но вместо этого невольно напомнил о стороже.

– Но вы ведь так не думаете? И напарник ваш тоже?

– Охранники обычно не рвутся делать обходы. Заступят на смену и просиживают несколько часов на одном месте. А на обход идут перед тем, как передать дела сменщику.

– Али не такой. Мы ему доплачиваем за то, чтобы он проверял каждый номер.

Мы обошли этаж и стали подниматься на следующий.

– За что именно доплачиваете?

– Он открывает краны, спускает воду в туалете – без движения вода застаивается. А что? – спросила она, заметив мой взгляд.

– Все двери закрыты.

Она непонимающе наморщила лоб:

– Али не ушел бы без магнитной карточки.

Аниса задумалась, и тут лампы мигнули и погасли.

Мы очутились в крошечной темноте на лестнице без окон.

– Что происходит? – Аниса протянула ко мне руку.

Я достал из кармана фонарик и осветил перед собой:

– Возможно, выбило пробки. Где щиток, знаете?

– Кажется, на первом этаже.

– Ладно. Спуститесь и позвоните моему напарнику. – Я выудил из кармана телефон и продиктовал Анисе номер. – Скажите ему, где я. Или, может, сами свет включите.

– Конечно. – Ее голос дрогнул то ли от испуга, то ли от досады.

Аниса стала спускаться, подсвечивая себе путь телефоном. Я добрался до третьего этажа и осторожно осветил перед собой. Луч фонарика не доставал до конца коридора. Закрытые двери по обеим сторонам создавали клаустрофобический проход. Я подергал ручки. Заперто.

Ближе к середине коридора я остановился. Переборол параноидальный страх. Выключил фонарик и замер в темноте, затаив дыхание. В ушах стучала кровь. Я резко обернулся и включил фонарик.

Пусто.

Я обошел весь этаж и вернулся к лестнице. Поднялся на четвертый этаж. Ощутил какой-то аромат. Шлейф аромата. В затхлом воздухе явно чувствовалась спиртовая основа духов или одеколona. Я провел фонариком из стороны в сторону и отступил назад.

В нескольких шагах от меня на ковре лежал человек. Затылок в крови, рядом валяется огнетушитель.

– Эй! – окликнул я.

Человек не шевелился. Я направил фонарик повыше и пошел к раненому. Сообразил, что не дышу. Выдохнул, опустился на корточки и тронул его за плечо. Он застонал.

– Вы меня слышите? – спросил я, не отрывая взгляда от дальней стены. От слабого кружка света.

Мы были ровно посередине коридора; в темноте возникло ощущение уязвимости.

– Что со мной?.. – Мужчина схватил меня за руку.

Я помог ему сесть.

– Али?

– Да.

– Вас ударили по голове. Все будет хорошо, я из полиции. Вы кого-нибудь видели?

– Я... я не знаю.

В отсвете фонарика на стене мелькнула тень.

Али сжал мне запястье.

– Все будет хорошо, – сказал я. – С минуты на минуту придет мой напарник. А мне нужно посмотреть, кто там.

Али кивнул и поморщился от боли.

Я пошел туда, где видел тень, стараясь светить фонариком как можно дальше. Потом набрал номер Сатти.

– Нашел сторожа, – тихо произнес я в трубку. – На четвертом этаже. Травма головы, требуется врач. Следую за на-

падавшим. Запроси подкрепление. – В конце коридора я нажал «отбой». Вдохнул поглубже и высунулся из-за угла.

Пусто.

У лестницы слышался слабый стук, будто в окно бились мотыльки: загорались неверно мигающие лампы. Я огляделся, привыкая к свету, и сообразил, что держу фонарик обеими руками. Выключил его, убрал в карман и пошел на пятый этаж. Что-то изменилось. В усилившейся духоте чувствовалось слабое колебание воздуха.

Откуда-то шло тихое шипение.

Из коридора слева повеяло прохладой. Дверь пожарного выхода была приоткрыта. Я распахнул ее ногой и заглянул в пролет лестницы. Шум улицы, холодный воздух. Тот, кто отсюда вышел, сейчас уже на улице. Я выдохнул с облегчением, и медленно пошагал обратно. В одном из номеров горел свет.

Дверь была распахнута.

Номер 513.

Он располагался чуть выше соседних; в него вели несколько ступенек. Я поднялся по ним. Неожиданно накатила дурнота и ощущение, будто я заблудился в лабиринте коридоров.

– Есть кто-нибудь? – громко спросил я.

Тишина.

Я вошел в прихожую и отступил к стене. Номер люкс был в два раза больше тех, в которых когда-то останавливался я.

Свет настольной лампы создавал атмосферу грусти и уединения. Сквозь закрытое окно с Оксфорд-роуд, оживленной даже после часа ночи, слышался гул машин. На стенах, словно в калейдоскопе, мелькали отблески ночных огней.

В дальнем конце комнаты виднелся неподвижный силуэт.

Кто-то сидел в кресле, лицом к окну. Я сделал несколько шагов к нему. Человек не пошевелился. У меня на лбу выступил холодный пот. Я вытер его рукавом, не отрывая взгляда от неподвижной фигуры. Подошел вплотную. Человек был мертв. На лице его застыла испарина. Казалось, от него еще исходит жар. На грабителя не похож: опрятно одет, чисто выбрит, коротко подстрижен. Я замер, увидев его широко открытые глаза. Ярко-синие, со взглядом, обращенным куда-то за пределы земной жизни. Челюсти ему свело судорогой, из-за чего губы застыли в широкой улыбке, больше похожей на оскал.

8

Аниса дожидалась «скорой» вместе с Али. Я сказал Сатти, что он должен увидеть кое-что на пятом этаже, и повел его в номер 513. Вентиляция в коридорах не работала, на верхних этажах было жарче. К тому времени, как мы дошли до номера, бледное лицо Сатти покрыли бисеринки пота. Вид у него был такой, будто его варят заживо.

– Надеюсь, я не зря сюда перся, – пропыхтел он, поднимаясь по узким ступенькам в номер. Потом дурашливо постучал в открытую дверь костяшками пальцев и крикнул: – Обслуживание номеров!

Увидев труп, Сатти замер и оглянулся. Ткнул потным пальцем мне в грудь:

– Лапал тут что-нибудь?

– Нет.

– Свет включал?

– Уже горел.

Одарив меня пристальным взглядом, Сатти повернулся к мертвецу. При закрытом окне в номере стояла давящая духота. Сатти сбросил с себя куртку, я – пиджак. Его рубашка промокла от пота.

Он остановился и оглядел номер. Стандартную двуспальную кровать, стены, обитые тиком, мебель. Комната скорее походила на спальню из симпатичной квартиры в центре го-

рода, нежели на гостиничный номер. Сатти кивнул на пластиковую ключ-карту, валяющуюся на полу.

Покойник сидел в кожаном кресле, повернутом к окну. Тусклый свет, проникающий сквозь занавески, отбрасывал блики на стены.

– На лицо глянь, – сказал я.

– Что, такой симпатяшка?

Сатти совсем взмок. Я тоже смахнул пот со лба.

– Ладно, ты первый, – сказал Сатти.

Света настольной лампы не хватало, чтобы впечатлиться сполна. Я зажег фонарик и направил его на лицо покойника. Луч высветил оскаленные зубы, застывший в гримасе рот. Сатти поморщился и сделал мне знак убрать фонарик. Потом задумчиво облизал губы.

– С чего он так разлыбился...

Я промолчал.

Направил луч фонарика на ноги покойника. Сразу бросилась в глаза странная заплатка на штанине. Круглая, пришитая оранжевыми нитками. Я собирался подойти еще ближе, но Сатти щелкнул пальцами. Покачал головой.

Умерший был среднего возраста. В темном костюме. Смуглый. Сначала я решил, что он – выходец с Ближнего Востока, но это впечатление разрушали поразительные ярко-синие глаза. Вкупе со злобным оскалом они создавали впечатление, что мертвецу известно нечто, чего не знаем мы. Некая ужасная правда на грани здравого смысла.

– Бездомный? – спросил Сатти.

Я покачал головой:

– Одежда чистая, ничем не пахнет. По виду скорее университетский профессор или преподаватель, нежели наркоман...

Сатти ухмыльнулся:

– Ладно, пока обойдемся без заумных теорий. Подождем криминалистов. Но надо поговорить с охранником до того, как врачи возьмут его в оборот. В общем, поведем гору к Магомету...

– Его зовут Али.

– Угу, – сказал Сатти, выходя из комнаты.

Я последовал за ним к двери, остановился, оглянулся на покойника. С улицы по-прежнему слышался шум транспорта. Пронзительно выли сирены сразу двух или трех машин, разъезжающихся в разные стороны.

Али на носилках перенесли в вестибюль. Над ним склонились два врача «скорой помощи». Аниса поглядывала на них с беспокойством. Патрульный брал у нее показания.

Сатти подошел к главному из врачей:

– Нам надо поговорить с ним.

– Боюсь, это будет похоже на разговор с самим собой. Мы дали ему болеутоляющее.

– Ну, так дайте еще что-нибудь.

– Так не получится, инспектор. Мы везем его в больницу Святой Марии, ваш разговор подождет до утра.

Сатти хотел было возразить, но проглотил обиду и кивнул. Потом крикнул патрульному, беседовавшему с Анисой:

– Эй, красавчик!

Тот обернулся.

– Поедешь с ними. У нас то ли свидетель, то ли преступник. Как бы не сбежал.

– Сэр, но мне приказано...

– Приказ изменился, голубчик.

Патрульный не сдвинулся с места.

– Ты лучше прямо сейчас в штаны напрудил, а то потом в отделении забегаешь.

Покраснев от стыда, патрульный последовал за врачами.

Я посмотрел на Сатти:

– Превосходишь самого себя...

– Зато тебе есть на кого равняться. Ладно. – Он хлопнул в ладоши. – Эй вы, копы-стриптизеры, подваливайте сюда.

Аниса обессиленно опустилась на кресло. Сатти закатил глаза:

– Сделай хоть что-нибудь полезное, спровадь ее отсюда.

Он велел полицейским выставить охрану на этажах и начать обыск.

– На четвертый и пятый этаж без моего разрешения ни ногой. Повторите приказ.

Патрульные повторили. Сатти хмыкнул:

– Ладно, за дело.

Полицейские гуськом вышли из вестибюля и разбрелись в разные стороны. Я остался с Анисой.

– Как вы? Нормально? – спросил я.

Она кивнула, не глядя на меня.

– Та еще ночка выдалась. Давайте вызову вам такси, – предложил я.

Пока мы ждали машину, Аниса расхаживала взад-вперед по тротуару, будто ходьба отвлекала ее от мыслей о нападении на Али.

Недобитый детектив во мне задался было вопросом, нет ли между ними чего-нибудь, но сразу отмел эту мысль. Амбициозная женщина, да еще и лет на двадцать моложе его. Приехало такси. Аниса села в машину и начала закрывать дверцу, но остановилась.

– Пятый этаж... – произнесла она.

– Что пятый этаж?

– Вы говорили, что нашли Али на четвертом. Почему ваш начальник сказал, что на пятый этаж нельзя? Что там такого?

Я не ответил, и она домыслила вслух:

– До того как ему вкололи обезболивающее, он вел себя очень беспокойно... Будто его что-то сильно напугало...

– Что же?

– Он сказал, что слышал голоса, – ответила она.

Я протянул ей визитку:

– Нам и так нужно будет еще побеседовать, но позвоните, если захотите поговорить раньше.

Аниса захлопнула дверцу и отчужденно уставилась в спинку водительского кресла. Такси медленно влилось в поток машин и исчезло из виду.

Я отсутствовал минут десять, но за это время прибыли криминалисты. Младший по званию опечатывал лестницу. Сатти спустился к ним.

– Пока вроде бы все, – сообщил он. – Ленту в пятьсот тринадцатом я натянул.

– Там нужно весь этаж опечатывать.

– У нас только половина расчета. Будут обходить номера по очереди. Вряд ли утром случится наплыв постояльцев. Все, я отбываю. – Сатти прошел мимо меня, насвистывая какую-то мелодию.

Свист гулко отдавался под сводами.

Я пошел вверх по лестнице. Патрульных мое присутствие явно тяготило, я даже подумал, что они попытаются меня остановить. С пятого этажа навстречу мне спускалась Карен Стромер – патологоанатом. Стромер была неординарной личностью. Славилась безжалостными суждениями и острым чутьем. Я впервые видел ее с тех пор, как снова стал дежурить по ночам. Похоже, ее мнение обо мне изменилось далеко не в лучшую сторону. Она уважала серьезных сотрудников, настоящих профессионалов, и, судя по выражению ее лица, я в число таковых не входил. На ней был защитный полиэтиленовый комбинезон, надетый поверх одежды. Она остановилась и откинула капюшон, открыв узкое бледное лицо и нахмуренные брови. У нее были короткие черные волосы, темные глаза-бусины и почти невидимая полоска рта.

– Детектив-констебль Уэйтс, – проговорила она, остановившись на несколько ступенек выше меня. – Что вы здесь делаете?

– Мы приехали на вызов... – начал я, но осекся, уловив на ее лице тень улыбки.

– Не знала, что вы вернулись в строй, – произнесла она твердо и спокойно.

– Пролез кое-как.

– И не только туда, если я правильно помню. Вас арестовали. За кражу наркотиков из хранилища для улик...

– Обвинения сняли. – Мой голос прозвучал неуверенно.

Стромер кивнула, поглядела куда-то мимо меня и улыб-

нула сама себе:

– Попрошу вас вернуться в вестибюль. Не хочется, чтобы улики пропали.

Я отступил:

– Предварительные выводы есть?

– Смерть наступила в промежутке с половины одиннадцатого до полпервого ночи. Точнее пока сказать нельзя, так как неизвестно, когда произошли события, предшествующие смерти. При нем нет документов. И с одежды срезаны этикетки.

– Срезаны?

– Подробный отчет будет у вашего начальника. Это ведь детектив-инспектор Сатклифф, если не ошибаюсь?

Я кивнул, собираясь спускаться.

– Лучше бы ошибались.

– Еще кое-что, детектив-констебль.

Я обернулся. На губах Стромер по-прежнему играла улыбка.

– Стежки на брюках заметили?

Очевидно, ответ был написан на моем лице.

– Ну конечно заметили. Причем простеганные с изнанки.

– Что это значит?

– Что-то вшили в брюки. Что-то очень ценное для него...

Я молчал, и Стромер продолжила:

– Если я найду наркотики, то должна буду сообщить о вашей попытке проникнуть на место преступления. Учитывай-

вая ваш послужной список... – Она пошла обратно на пятый этаж, явно не желая оставлять труп без присмотра, пока я еще в здании.

– Не найдете, – сказал я ей вслед.

Она остановилась, но не обернулась:

– Почему вы так уверены, детектив-констебль?

– Тут что-то другое.

– Кому знать, как не вам. – Она поднялась по лестнице и исчезла из виду.

Я остался один на лестничной площадке. Мне не хватало воздуха.

Женщина отдернула руку, когда он попытался за нее ухватиться.

Мальчик очутился в ярмарочной толчее между рядами прилавков. Взрослые – вдвое выше его – шли в разных направлениях, на уровне глаз мелькали руки. Мальчик потянул за руку другую женщину, но та высвободилась и исчезла в толпе, и он, запыхавшись, остановился. Его толкали со всех сторон. Он потянулся к другой, вроде бы знакомой руке. Синие вены, длинные ногти, серебряные кольца. На этот раз он сжал руку крепче и не выпустил, когда его поволокли прочь из толпы. Только ухватился за запястье обеими руками и повис, шаркая ногами по земле.

Женщина остановилась и еще раз дернула рукой. Потом наклонилась к мальчику:

– Ты чего прицепился?

Мальчик отпустил ее запястье. У этой женщины только руки походили на материны, а так она была моложе. От нее пахло цветами. Она смотрела на мальчика с жалостью и любопытством. Он открыл рот, еще не зная, что скажет, но света вдруг стало меньше. Чья-то тень заслонила солнце, плечо сжала крепкая ладонь.

– Кош, вот ты где, приятель. Не убегай больше, ладно? До смерти напугал.

Выражение лица женщины изменилось. Она убрала упавшую на глаза прядь темных волос, выпрямилась и, сощурившись, посмотрела на говорившего. Мальчик обернулся и задрал голову. На фоне солнца был виден лишь темный силуэт. Квадратный подбородок, как у супергероя, и широченные плечи.

– Ваш мальчик? – спросила женщина, наклонив голову набок.

– Да, наказание мое. – Мужчина шутливо улыбнулся. – За что – не скажу. А я Бейтмен. – Он протянул ей руку, и она пожала ее.

– Холли, – представилась она и добавила, явно пытаясь завязать разговор: – Забавное у него имя...

Мальчик часто замечал, что женщины так себя ведут в присутствии Бейтмена.

– Хотите узнать, откуда такое?

Холли сморщила нос, кивнула.

– «Кош» – сокращенно от «кошелек». – Бейтмен провел рукой за ухом мальчика и положил монетку в его раскрытую ладонь. – Мальчонка – золотая жила.

Холли рассмеялась. Стало ясно, что она не просто молода, а юна.

Бейтмен шагнул к ней, предложил закурить.

– Живете рядом, Холли?

Ее выражение лица снова изменилось, она переступила с ноги на ногу.

Бейтмен вернулся в машину только с наступлением темноты.

Холли сказала, что ее родители уехали до завтра, и Бейтмен пошел посмотреть ее дом. Когда он вернулся, от него пахло цветами. Он понюхал свои пальцы, нашел в карманах сигарету, зажег ее и ухмыльнулся. Докурил сигарету почти до фильтра, не глядя на Коша. Потом завел руку за ухо мальчика, будто чтобы достать очередную монетку, но вместо этого крепко схватил его за волосы и поднес к лицу тлеющий окурок:

– Матери ни слова, понял?

Кош кивнул, неотрывно глядя на пламя.

Бейтмен усмехнулся и отпустил его.

– Ну-ка, посмотрим, чем ты сегодня на рынке разжился.

Кош открыл бардачок и вытащил оттуда улов. Кольца женщин, за чьи руки он цеплялся, и три бумажника, которые умыкнул у мужчин. Бейтмен проверил содержимое бумаж-

ников, вынул наличные и кредитки, а сами бумажники вышвырнул в окно. Потом положил кольца себе в карман и завел мотор. Перед тем как выехать на шоссе, снова посмотрел на мальчика:

– Мать твою, точно золотая жила.

II

Красные глаза⁶

1

Я не сразу понял, где нахожусь. Меня будто перенесли куда-то во сне. Трзвонил телефон. Я вылез из постели и взял трубку.

– Алло. – Мой голос прозвучал на удивление хрипло.

Ответа не было. Яркое теплое солнце светило прямо в глаза, вокруг стояла тишина. Я прислонился к стене, с наслаждением подставив лицо солнечному свету, которого мне перепало так мало.

– Кто это?

Тишина. Чье-то дыхание. Потом связь оборвалась.

Я немного подождал, отнял трубку от уха и подошел к окну. В этой квартире в Северном квартале я прожил уже год, но она по-прежнему казалась чужой и незнакомой. Я переехал сюда из-за прошлого задания, оборвав связи со старыми друзьями. Теперь их предстояло восстанавливать. Все эти месяцы моя жизнь будто стояла на паузе: днем я спал, ночью

⁶ «Red Eyes» – песня американской рок-группы *The War on Drugs* с третьего студийного альбома «Lost in the Dream» (2014).

работал. С прошлого дежурства вернулся в шесть утра. Шел десятый час. Рано утром под окнами грохотал транспорт, теперь на улице было тихо. В припаркованной у подъезда машине бубнило радио, по тротуару цокали женские каблочки.

Я пошел в ванную и посмотрел в зеркало. Работа по ночам сделала свое дело. Лишила лицо красок. Остались только темные круги под глазами. Иногда наутро я с трудом узнавал себя в зеркале. На самом деле менялось лишь мое представление о себе, но теперь эти перемены в восприятии происходили с пугающей быстротой. Иногда мне казалось, что отражение в стекле искривляется и плывет. То ли потому, что организм окончательно избавлялся от последствий многолетнего употребления наркотиков, то ли из-за психологической травмы. С каждым днем мне все больше открывалась некая ужасная и непреложная правда о себе. Это стало еще одним поводом с головой уйти в ночные дежурства. Там можно было исчезать и полностью меняться.

Скрывать свою личность.

Как улыбающийся человек.

Обычно присутствие покойника ощущалось как некая пустота, однако здесь передо мной будто разверзлась черная дыра. Строммер сказала, что не обнаружилось ни удостоверений личности, ни этикеток на одежде. Будто человек хотел исчезнуть, полностью лишиться собственного «я». Однако гостиничный номер содержал какие-то знаки. В свое время я много размышлял над феноменом безымянных смертей. У

подножия горы Фудзи есть Аокигахара – «лес самоубийц» с непроходимыми чащами. В Индии – город Варанаси, где палящий жар погребальных костров ежедневно превращает в пепел сотни тел. Река Ганг, где вводят себе в вену героин, а потом заходят все глубже в зловеще-мутную воду и исчезают, уносимые коварным течением. Смерть в «Палас-отеле» была чем-то иным. Провалом чьего-то блестящего плана. Весь облик умершего был обезличенным, однако в выборе номера и вида за окном проглядывала индивидуальность. Сам ли он их выбирал – другой вопрос.

Снова зазвонил телефон; я вернулся в гостиную.

– Проснись и пой, красавчик.

– Привет, Сатти. – Я почти чувствовал, как у него воняет изо рта. – Чем могу помочь?

– Смени свой фирменный кисляк на улыбочку и дуй в больницу.

– Охранник проснулся?

– Увы, да. Надо, чтобы первым делом он увидел твои вечно недовольные голубые глазки. Подержи его за руку,пусти скупую слезу, он и расколется.

– А разве мы не должны передать дело дневной смене? – Мне хотелось знать, насколько прочно мы увязли в этом деле и стоит ли тратить на него силы.

– Официально расследование поручено сержанту Латти-меру.

– Ему, значит, свинью подложили.

– Я пообещал, что ты поможешь с беготней.

– Да ну?

– Дело пойдет мне в зачет, Эйд.

По договоренности между Сатти и Латтимером всю беготню обычно поручали мне. Возражать почему-то не хотелось.

– Что, по-твоему, может знать сторож? – спросил я.

– Может, он ненадолго умер и теперь знает, что там, за чертой? Сам узнавай. Меня больше интересует, что случилось перед тем, как его огрели огнетушителем. Попробуй понять: преступник он или жертва.

– Поеду прямо сейчас.

– И спроси про второго сторожа. Маркуса Кольера.

– Что о нем известно?

– Только адрес, но ты знаешь, как это обычно бывает. От патрульных толку никакого. Ищут, короче.

– Думаешь, он как-то связан с делом?

– Есть одна интересная деталь. Магнитная карта на полу в номере принадлежит ему.

Итак, значит, Маркус Кольер. Дневной сторож. Неужели все так просто? Может, он впустил постороннего в отель до того, как на пост заступил Али. Или карточку у него украли. А может, покойник – он?

– Как бы то ни было, – прервал мои размышления Сатти, – пока я не скажу иначе, под подозрением каждый. И твой дружок в коме тоже. Если по-хорошему не проснется, можешь показать ему свое истинное лицо, но только в крайнем слу-

чае.

– Так мы расследуем убийство?

– Только через мой труп. Считай, что это – приятное отвлечение от поджогов мусора. Тщательный анализ фактов, чтобы распрощаться с этим делом и записать его в раскрытые.

Подход Сатти к расследованию дел заключался в том, чтобы пойти по пути наименьшего сопротивления.

– Запишешь в самоубийства? Но нападение на Али означает...

– Ни хрена оно не означает, – бросил Сатти. – Зубоскал его вырубил, а потом порешил себя. Ты раньше не работал над такими делами, Эйдан. Нам нужен результат, а не разгадка. Наша работа – найти то, что хочет начальство, и повсюду раструбить официальную версию.

– Новости какие-нибудь есть? – спросил я как можно небрежнее, безуспешно пытаясь скрыть любопытство в голосе.

Сатти засопел в трубку.

– Сатти?

– Завтра будут результаты вскрытия. Больше пока ничего не слышно. Только то, что Строммер не хочет тебя к делу подпускать.

– Почему?

– Почему муха жрет говно? Она же лесби, мужиков ненавидит. – Он фыркнул. – Наверное, приняла тебя за мужика.

Говорить с Сатти по телефону было все равно что лить отраву в уши, и у меня в голове уже звенело. Я стиснул в руке телефон:

– Вряд ли дело в этом, Сатти...

– Слушай, она так долго с бабами лижется, что у нее яйца отросли. Так что наплюй.

Я сменил тему:

– А ты куда?

– Воскресенье же. До дежурства еще десять часов. Дрыхнуть буду. Введешь потом в курс дела.

Я уже хотел нажать «отбой», потом кое-что вспомнил.

– А ты мне до этого звонил? Минут пять назад?

Сатти присвистнул:

– Надо же, целых два звонка в день! Личный рекорд Эйдана Уэйтса. Может, это Стромер звонила? – Он рассмеялся. – Меняет ориентацию ради тебя? – Сатти повесил трубку, а я принял душ, больше потому, что после этого разговора захотелось помыться.

Я выпил кофе, оделся и собрался ехать в больницу. Закрывая дверь, снова лениво прикинул, кто еще мог мне звонить.

2

Ослепительный солнечный свет лился с нежно-голубого неба. Прохожие сияли улыбками и золотистым загаром; из-под их ног разбегались пляшущие тени. Я так долго жил без дневного света, что казалось, будто я впервые в жизни иду по городу в прекрасный летний день и никому до меня нет дела. Я шел по улочкам с закопченными краснокирпичными домами, вокруг царила утренняя суета, а я чувствовал себя по-новому, будто проснулся от какого-то сна.

Мокрая от пота рубашка прилипла к телу. В регистратуре больницы Святой Марии меня направили на второй этаж. В коридоре дежурил полицейский, которого прислал сюда Сатти. Он расхаживал взад-вперед и зевал, прикрываясь рукавом. При виде меня вздрогнул и заправил выбившуюся рубашку в брюки.

– Доброе утро, – поздоровался я.

– Детектив-констебль? – Дежурный странно на меня посмотрел.

За дверью раздался вопль.

– Там чувак с ночными кошмарами, – устало пояснил полицейский.

– Сейчас же утро.

– Ему скажите, он уже несколько часов вопит.

– Как наш больной?

– Проспал всю ночь. Вот бы мне получить то же, что и он.

– Чем-нибудь тяжелым по голове? Не подавай Сатти идею.

– Это я виноват...

Я сменил тему:

– Он говорил что-нибудь?

– Даже глаз не открывал, но врачи сказали, что опасности нет.

– Когда тебя сменят?

– Часа через два, – мечтательно произнес полицейский.

– Мне в любом случае надо быть здесь, когда он проснется. Так что ступай домой. Я дождусь твоего сменщика.

Он замер. Поглядел на коридор у меня за спиной. Потом снова на меня:

– Наверное, нельзя оставлять его одного...

– Одного? – переспросил я.

Он замялся, подбирая слова. Сцепил руки за спиной, будто я надел на него наручники.

– Моя слава бежит впереди меня, констебль?

Он посмотрел на меня одновременно с недоверием и облегчением, оттого что я произнес вслух очевидное. Неуверенно кивнул.

– Ладно, понял, – сказал я. – Пойду кофе принесу.

Али проснулся примерно через час. Врач убедился, что он в состоянии говорить, и велел проходившему мимо медбрату сопроводить меня к больному. Медбрат был болезненного вида парнем с сероватыми, почти прозрачными зубами. Он

дышал, шумно втягивая сквозь них воздух. Может, когда он начинал здесь работать, то был еще здоров, но со временем поддался атмосфере душевного нездоровья и смерти? Что тогда творила со мной моя работа? При виде нас беспокойный пациент замолк. У него было красное, потное лицо. И изможденный вид.

– Что с ним? – спросил я медбрата.

– Не обращайтесь внимания, не сегодня завтра окочурится.

Я остановился:

– Дальше я сам. Спасибо.

– Отлично. – Медбрат одарил меня серо-прозрачной улыбкой.

У двери он задержался, бросил пару ласковых перепуганному пациенту и вышел. Я сел рядом с Али. Крупный мужчина. Руки, лежащие поверх одеяла, были толщиной с мои икры. Попробуй такого выруби. Услышав, что кто-то сел на стул, он открыл глаза.

– Доброе утро, мистер Нассер. Как самочувствие?

Он шевельнул ладонями, будто говоря, мол, сами-то как думаете.

– Доктор объяснил вам, что случилось?

Взгляд темных глаз остановился на моем лице.

– Вы в больнице. На вас напали ночью...

Али приложил ладонь ко лбу и кивнул.

– Я – детектив-констебль Эйдан Уэйтс. Меня вызвали в «Палас-отель», потому что сработала сигнализация.

– Это вы меня нашли? – проговорил он с отчетливым восточным акцентом.

Я кивнул.

– В коридоре на четвертом этаже. Помните, как там оказались?

Али наморщил лоб.

– Я слышал голоса.

– Какие?

– Мужские. – Али замялся. – Кричали. – Он помолчал, потом добавил: – Громко.

– Сколько человек?

– Вроде двое. – Он помотал головой. – Спорили, ругались.

– Из-за чего?

Он напрягся:

– Я... не разобрал.

– Во сколько это было?

– До полуночи. Я еще не начал обход.

– Вы слышали голоса из вестибюля?

– Да.

– И поднялись по лестнице?

– Да, пошел на шум. – Он горько усмехнулся. – Старый дурак.

– Вы просто делали свою работу.

– Что-нибудь украли? – Он попытался сесть.

– Боюсь, все несколько серьезнее. Мы обнаружили труп на пятом этаже.

– Не понимаю...

– Обстоятельства смерти кажутся нам подозрительными.

Смысл известия доходил до него медленно, будто капля чернил растворялась в воде.

– Кто он?

– Пока не установили. Вы впускали посторонних в здание?

– Никогда.

– Совсем никого?

Он задумался.

– Рабочих, несколько месяцев назад. Мистер Блик иногда инспектировал здание.

– Мистер Блик – хозяин?

– Адвокат, – пояснил Али. – Он сам меня нанял.

Очевидно, этот факт вызывал у него гордость.

– Ясно. Он работает с мисс Хан?

– По-моему, он – ее начальник.

– Когда мистер Блик приходил в последний раз?

– Несколько месяцев назад. Он, кажется, нездоров.

– Еще что-нибудь необычное прошлой ночью видели или слышали?

– До голосов – нет.

– Дверь пожарного выхода на пятом этаже была открыта.

Али нахмурился:

– Я не открывал пожарные выходы.

Утверждение прозвучало безапелляционно. Я сменил те-

му:

– Как вы стали охранником в «Палас-отеле»?

– Спросите лучше, как я вообще оказался в этой стране, – усмехнулся Али.

– И как?

– Я тут уже год. Раньше жил в Сирии.

– Вам пришлось уехать?

– На родине ужас что творится. – Али опустил взгляд; лицо его помрачнело. – Да, я беженец.

– Тяжело пришлось?

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Я имею в виду, здесь.

– Тяжело и... – Он замолчал, подыскивая слово. – Унизительно. В центре для нелегальных иммигрантов очень плохо. Вот я и пошел в охрану. Мог бы по специальности работать, если бы подобрее к нам относились. – Он пожал плечами. – Так что пока я просто сторож.

– А кем в Сирии работали?

– Врачом. Пятнадцать лет. – Он с тоской обвел взглядом палату.

– Нам пока не удалось найти вашего напарника, Маркуса. Он ведь так выглядит? Опрятно одетый, темные волосы, смуглый, глаза голубые... – Я описывал покойника из гостиничного номера.

Не стоило без особой необходимости говорить Али, что его напарник, возможно, мертв.

Али покачал головой.

– Маркус белый и лысый.

– Где его можно найти, кроме дома?

Он снова покачал головой:

– Мы не то чтобы дружим.

– Но ладите?

– Трудно сказать, – сказал он, потом добавил: – Я его почти не знаю.

– С работой справляется?

– А Маркуса вы будете обо мне спрашивать?

– Да.

Али кивнул:

– Справляется – не то слово.

– То есть?

– В деловой хватке ему не откажешь.

– Что-то вы загадками говорите.

Али фыркнул:

– Разгадка – в мусорных корзинах нах на четвертом этаже отеля.

Я ждал более развернутого ответа, но его не последовало.

– Я и так сказал больше, чем знаю, – пояснил Али. – Догадкой поделился.

– Ладно. А что у Маркуса с карточкой от номеров?

– Не понял.

– Как она оказалась рядом с трупом в пятьсот тринадцатом номере?

– Понятия не имею. – Али пожал плечами.

Я пристально посмотрел на него:

– К вам сегодня придут записать показания. Пока что у палаты подежурит полицейский.

– Меня караулят?

– Нет, защищают. – Я встал.

– От чего? – вдруг возмутился Али. – Сейчас-то что со мной может случиться?

– Возможно, вы – свидетель тяжкого преступления.

– Чего я только не посмотрелся в Алеппо. И когда беженцем был, никто мной не интересовался. Всем было плевать. – Али безрадостно рассмеялся. – А тут я ничего не видел, но меня, видите ли, защищают.

– Иногда человек, сам того не понимая, может что-то знать.

Он снова фыркнул:

– А иногда ничего не понимает в том, что якобы знает. Что так, что этак – один хрен. Старая пословица.

– Слышал такую.

Я вышел из палаты. Пациент снова завопил. Серозубый медбрат направился к двери с явным намерением устроить разборку. Я уже собрался вмешаться, но тут подошла какая-то женщина, по виду врач.

– Опять с пациентами ругается? – спросила она.

Я кивнул:

– Похоже, ему не дали поспать...

– Что ж поделать. Работа у нас такая, – сказала она, угадывая во мне «сову».

Такое часто случалось. Мы – родственные души – узнавали друг друга по бледному лицу и усталому взгляду.

– Я поговорю с ним, – пообещала она. – Спасибо.

Жара стояла стеной. Я думал о том, что пережил Али, и о том, как часто мы обесцениваем трагедию отдельного человека, и тут передо мной притормозил большой черный «БМВ». Я попытался обойти автомобиль, но он проехал чуть вперед и перекрыл мне путь. В тонированном стекле отразилась моя обеспокоенная физиономия. Стекло на задней дверце опустилось. На меня глянуло знакомое лицо.

– Эйдан Уэйтс. Чтоб мне сквозь землю провалиться!.. – глухо, с раскатистым шотландским акцентом буркнул пассажир, похожий на седовласого Люцифера, явившегося из преисподней.

– Паррс.

– А где уважение, сынок?

– Простите, суперинтендант.

Он оглядел меня. Воспаленными, налитыми кровью глазами.

– Куда собрался?

– Никуда.

– Правильный ответ. Садись в машину.

3

Я забрался в прохладную темноту салона. Залитая солнцем улица да и сама жизнь словно бы остались позади, а я попал под власть неведомых сил. На огромном пассажирском сиденье между мной и Паррсом осталось столько свободного места, что хоть ложись и помирай – никого не стеснишь. Боковым зрением я видел его серо-седые волосы, серую одежду. Водитель завел мотор, я уставился перед собой в ожидании.

С суперинтендантом Паррсом всегда приходилось ждать. Он был пауком, неутомимо плетущим сеть, вершителем судеб, для которого люди – пешки в его игре. Стратег и манипулятор, он мог как разрушить чужую жизнь, так и спасти ее. С моей он уже проделал и то и другое, а потом сослал меня в ночную смену, мол, либо сдохнет, либо уволится. Наверное, я удивлял его тем, что до сих пор жив и никуда не ушел. А удивить Паррса – худшее, что можно было сделать. С моим «ни туда ни сюда» он не получал закономерного итога. Паррс просчитывал свои ходы на несколько месяцев вперед и мою живучесть расценивал как предательство.

Водитель выехал с парковки, и «БМВ» плавно влился в поток машин.

Двигатель работал так тихо, что я слышал, как дышу. Думаю. Жду.

Паррс молчал, и я радовался, что не нужно поворачиваться к нему. Смотреть в непроницаемые красные глаза на землистом лице. Я видел только его руки. Длинные, тонкие пальцы, узловатые серо-голубые вены. Он сжал кулаки, разжал, потом со вздохом подался вперед:

– Пристегнись.

Я украдкой покосился на него. Он смотрел в окно; на его лице блуждало подобие улыбки.

– Мы же не хотим, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Я застегнул ремень безопасности, и мы поехали дальше.

– Над твоей головой сгущаются тучи, Эйдан. Немногие на твоём месте продержались бы столько месяцев.

– Спасибо, сэр.

– Это не комплимент, и помолчи, когда тебя не спрашивают.

Я проглотил грубость и опустил голову.

– Надо же, учишься держать язык за зубами. До меня дошли сведения, что ты сработался с инспектором Сатклиффом... – Паррс помолчал. – Как тебе удается ладить с этой слоной задницей?

– Запросто.

Он шумно выдохнул носом.

– Не умничай. Тебе задали вопрос.

– Нас не дружить вместе поставили, сэр.

– С чего ты так решил?

– Я обвинил его в подтасовке улик, а он собирался свиде-

тельствовать против меня.

– И ты затаил обиду...

– Нет, просто не забыл.

С минуту мы ехали молча, потом Паррс снова заговорил:

– С тех пор немало воды утекло.

«И эта вода унесла с собой несколько трупов», – подумал я. Неожиданно он взглянул на меня, будто прочел мои мысли.

Я тоже посмотрел на него.

Костлявый острый подбородок дернулся вверх, потом опустился, как нож гильотины.

– Нечего тут лыбиться. Смотри, сдери ухмылочку с твоей физиономии. Не забывай, что ты еще дышишь и получаешь зарплату только потому, что я такой добрый.

Я снова уставился перед собой, кивнул:

– Почему вы хотели видеть меня, сэр?

– Не я хотел, а тебе полезно посмотреть на меня. Снова проверяешь границы дозволенного. Лезешь куда не следует.

Я ничего не сказал.

– Дежурство у тебя нынче интересное выдалось. Рассказывай.

Я сглотнул.

– В час ночи нас с детективом-инспектором Сатклиффом вызвали в «Палас-отель». Сработала сигнализация, охраны на месте не было. Мы обыскали здание и обнаружили охранника без сознания. На него напали. Ударили огнетушителем

по голове. Я заметил, как кто-то пытается ускользнуть из здания. Следовал за предполагаемым преступником до пятого этажа, но ему удалось скрыться через пожарный выход. Я вернулся в коридор. Дверь одного из номеров была открыта. Я обыскал помещение и обнаружил труп.

– Продолжай.

– У покойника не было документов. И этикеток на одежде.

– В неработающем отеле... – задумчиво произнес Паррс. –

Бродяга?

– Нет, сэр. Прилично одет.

– И что ты об этом думаешь? – спросил Паррс чуть более заинтересованно.

– Сторож очнулся утром. Говорит, слышал, как кто-то с кем-то ругался. Полагаю, взломщиков было двое и один почему-то убил второго.

– Причина смерти?

– Слишком рано для выводов.

– Естественная. Или самоубийство... – Последнее, похоже, представлялось Паррсу меньшим из двух зол.

– Возможно, но как он там оказался? А второй взломщик?

Я точно кого-то видел.

Паррс озадаченно хмыкнул.

– Сейчас ищем другого сторожа, дневного. Маркуса Кольера.

– Может, он и есть второй взломщик, – предположил Паррс.

Я кивнул.

– А что хозяйева отеля?

– Пытаются от него избавиться. Вчера мы общались с юристом, которая занимается продажей.

Паррс подумал.

– Поговори с ними. Если умерший имеет какое-то отношение к отелю, они могут его знать. Инспектора Сатклиффа в это не посвящай.

– Не уверен, что мне это нравится, сэр.

– А я не уверен, что меня это волнует. Сатти предпочитает вести расследование ректальным зондированием. Толстосумам такой подход может не понравиться. Кстати, время смерти известно?

– Около полуночи.

– С дневной сменой сотрудничаешь?

– Помогаю детективу-сержанту Латтимеру с опросом свидетелей, сэр.

Паррс фыркнул:

– В общем, нашел что порасследовать. Дельце увлекательное, но, говоря про любопытную ночь, я имел в виду твою стычку с мистером Оливером Картрайтом.

Я недоуменно посмотрел на него. Наткнулся на непроницаемый взгляд красных глаз.

– Я бы не назвал это стычкой.

– А как бы ты это назвал?

– Разговором.

– Полуночным? Из-за того, что какая-то девчонка чего-то себе навоображала?

– Картрайт провел с ней ночь...

– По обоюдному согласию. Продолжай.

– И сделал видеозапись. Намекнул, что выложит ее в интернет, если девушка не согласится на повторное randevu.

– Не кажется ли тебе, что она драматизирует ситуацию?

Я начал говорить, но Паррс меня оборвал:

– Возврат к прошлогодней проблеме?

– Вы о чем, сэр?

– Может, всему этому имеется невинное объяснение?

Я молчал, обдумывая его слова.

Тишина становилась невыносимой.

– Нет. Я видел запись.

– Девушка написала заявление?

– Дело очень личное. Не хочет неприятностей. Вот я и проявил понимание. Картрайту же лучше, если все ограничится разговором с глазу на глаз и газетчики не прознают.

– Но если девчонка не заявила на него официально, то дело нас не касается.

– Вы знаете, что она этого не сделает.

– Тогда вопрос закрыт, черт побери.

– Оливер Картрайт – важная шишка?

Паррс повернулся ко мне:

– Мне не нравится то, что я слышу, сынок.

– А мне не нравится то, что приходится называть вещи

своими именами, сэр.

Он шумно выдохнул носом.

– Мистер Картрайт – известная медийная персона. Он не заслуживает того, чтобы мой худший сотрудник ночью вытаскивал его из постели. Если уж говорить начистоту, его имя есть в записной книжке у каждого амбициозного выскочки в городе, включая старшую суперинтендантшу Чейз. Итак, повторяю, нет заявления – нет дела.

– Сэр.

– Я все сказал. Тебе и без этого будет чем заняться. По мусорным поджогам есть новости?

Я помотал головой.

– Я и не сомневался. Теперь, конечно, будешь скакать по верхам, пытаясь расколоть дельце с улыбчивым мертвецом.

– Как вы узнали про улыбку?

– Молодец, смекнул, – сказал Паррс. – Значит, не совсем бесполезен. К сожалению, патологоанатом так не считает.

– Карен Стромер.

– Ага, сегодня утром мне все уши прожужжала по телефону. Мол, как бы не пришлось потом разгребать проблемы с наркотиками. – Паррс усмехнулся. – На все слабые места надавила.

– Хочет услатить меня с глаз подальше.

– С этой планеты, сынок.

– И что вы ей сказали?

– Сказал, что понимаю ее точку зрения. Но еще – что вы

с Сатти как два клоуна в костюме осла. Без тебя по арене будет бегать только огромная жирная задница.

Это прозвучало почти как комплимент.

– Так что смотри, в этот раз не облажайся. И если раскро-
ешь дело, умудрившись не сожрать все спиды в городе, мы
тебе спасибо скажем. – Паррс снова ухмыльнулся. – За то,
что нам оставил.

4

Паррс высадил меня там же, у больницы. Солнце даже не сдвинулось с места, я никуда не спешил, и от этого встреча с Паррсом казалась сном. Еще одна выдающаяся способность суперинтенданта. Превращать сны в ночные кошмары. Несколько минут назад мы обсуждали вопросы жизни и смерти. Теперь казалось, что этого разговора никогда не было.

Я достал телефон и приступил к работе:

– Алло?

– Аниса Хан? Это детектив-констебль Уэйтс.

– Доброе утро, детектив-констебль. – Голос Анисы дрогнул. – Вы по поводу Али? Как он?

– Я только что разговаривал с мистером Нассером, ему гораздо лучше. Но мне нужна ваша помощь.

– Я тоже собиралась с вами поговорить. Простите, ночью я была сама не своя. Не сталкивалась с проявлениями насилия раньше. Наверное, у меня был шок. – Слова Анисы прозвучали как заготовленный ответ на собеседовании при приеме на работу, но, вообще-то, ее заявления и раньше звучали официально. Ночью она ненадолго ослабила контроль над собой, и это ее волновало больше всего.

– Совершенно естественная реакция, – ответил я. – Пусть вас это не беспокоит.

– Благодарю. – В ее голосе чувствовалось облегчение. – Чем я могу помочь?

Давно пора было сказать про труп на пятом этаже, но я хотел разузнать побольше о хозяевах здания. Если сообщить ей новость сейчас, то я не увижу непосредственной реакции.

– Вчера вы сказали, что ваша фирма занимается продажей «Палас-отеля».

– Верно. Но самой сделкой займется мой начальник, Энтони.

– Мистер Блик?

– Да. Откуда вы знаете?

– Мистер Нассер упоминал его имя утром, – ответил я. – Я бы хотел с ним поговорить, если это возможно.

– Он будет на следующей неделе. Энтони в Таиланде.

– В командировке?

– Нет. Ищет свое истинное «я». В пятьдесят лет. Представляете?

– Искать себя никогда не поздно. А владельцы здания? С ними можно побеседовать?

Аниса какое-то время молчала, потом заговорила.

По ее словам, «Палас-отель» принадлежал трастовому фонду семейства Койлов под управлением Наташи Рив и Фредерика Койла. Я спросил, можно ли встретиться с ними сегодня. Аниса ответила, что не уверена, найдется ли у них время, но она узнает и перезвонит. Я почти добрался до центра города, когда она перезвонила:

– Наташа готова встретиться с вами прямо сейчас. Можете?

– Конечно.

– Боюсь, я не смогу присутствовать...

Я думал, она хочет предупредить меня о чем-то – например, скажет, что ее клиентка – трудный в общении человек, но Аниса оставила фразу недосказанной. Однажды она уже ослабила контроль над собой и дальше этого предела заходить не собиралась.

– Я буду паинькой, – пообещал я. – Просто скажите где и во сколько.

Наташа Рив назначила мне встречу на Кинг-стрит, недалеко от Динсгейта. Наверное, жила рядом. Богатые часто отказывались пускать полицию к себе домой. Люди с определенным уровнем дохода обычно предпочитают беседы в кафе или ресторане. Возможно, беспокоятся, что их жилища и имущество поразят или даже возмутят рядовых полицейских. Я вдоволь наобщался и с теми и с другими, так что, пожалуй, такая осторожность была оправданной.

Я сразу же понял, что передо мной Наташа.

Стройная загорелая женщина лет сорока пяти. Выглядит так, будто всегда вела здоровый и правильный образ жизни. Солнце, сбалансированное питание и хорошее образование. Моя полная противоположность. Она прямо-таки лучилась здоровьем, отчего я слегка устыдился самого себя. Будто принадлежал к низшей расе. На ней были светло-бежевые джинсы с блузой в тон; одежда выгодно подчеркивала загар. Ровный, какого не получишь даже на такой жаре. Я было подумал, что Наташа рассматривает детскую одежду в витрине магазина. Однако, подойдя ближе, понял, что она придиричиво разглядывает свое отражение. И чем-то недовольна. Она обернулась и посмотрела на меня. Ее взгляд при этом не изменился.

Она тоже сразу поняла, кто я, и слегка кивнула.

– Мисс Рив? Я детектив-констебль...

– Уэйтс, – закончила она за меня, не подав руки в ответ. – Пройдемся? – Она пошла вперед, предполагая, что я последую за ней. – Мне сообщили, что ночью кто-то проник в «Палас-отель».

– Боюсь, что да. – Я повернулся к ней, но она продолжала смотреть прямо перед собой. – Не могли бы вы рассказать мне об отеле?

– Это так необходимо?

– Похоже, мы имеем дело не просто со взломом.

– Заинтриговали, – сказала Наташа ничего не выражающим тоном. – Что ж, ладно. «Палас-отель» принадлежит моей семье последних тридцать лет, и треть этого срока им занимаюсь я. Он никогда не был убыточным, но семейные обстоятельства вынудили нас выставить его на продажу. Сейчас мы ведем переговоры с потенциальными покупателями. Процесс идет медленно, но верно. – Она говорила кратко, как женщина, потерявшая интерес к собственной жизни. На этом экскурс в историю был окончен. Три десятилетия уместились в несколько фраз.

– Мне сказали, что у отеля два владельца.

– Трастом Койлов, который владеет отелем, управляют двое, – подтвердила она.

– Вы и?..

– Фредерик Койл, мой муж.

– Не знал, что вы – супруги.

– Со временем и Фредди об этом забыл. Мы разводимся, детектив-констебль. Бракоразводный процесс тоже идет медленно, но верно.

– Поэтому продаете отель?

– Фредди предложил поделить его на две части, например на спа-клинику и отель, но я не могу этого допустить. Я согласна на продажу только при условии, что отель останется в неизменном виде.

– Рад это слышать.

Наташа Рив не нуждалась в союзниках.

– Боюсь, потенциальные покупатели не разделяют вашу ностальгию.

– С продажей проблемы?

– Я же уже сказала... – произнесла она с таким видом, будто ей невыносимо повторять собственные слова.

– Да, что процесс идет медленно, но верно. Как давно вы женаты?

– Десять лет. – Она дернула плечами. – Почему вас так интересует вопрос брака? Собираетесь жениться? Не надо, не тратьте время.

– Просто выясняю факты. У вас с мистером Койлом есть дети?

– Думаете, он уходит, потому что нажил ребенка на стороне?

Я промолчал, и она вернулась к вопросу:

– Нет, детей нет. Фредди не хотел. Слишком много хло-

пот. Раньше я жалела, но он так повел себя с разделом отеля, что...

– Что вы имеете в виду?

– Он бы и ребенка предложил разделить пополам. – Наташа поняла, что сказала что-то не то, остановилась и впервые за все это время посмотрела на меня. – Нет, я не тащу в будущее прошлые обиды. Так уж карты легли. Будь моя воля, мы не продавали бы «Палас-отель». Боюсь, сейчас я не могу рассуждать на эту тему беспристрастно. – Она снова пошла вперед. – Но какое все это имеет отношение к взлому?

– Как я уже говорил, все несколько серьезнее.

– Да, вы повторяетесь, – сказала она, продолжая идти.

– На охранника, мистера Нассера, напали.

– Мисс Хан сказала. Он поправится?

– По всей видимости, да.

– Рада слышать. Он надежный человек. Конечно, должность останется за ним, если он решит вернуться. Может работать неполную смену, если так лучше для его здоровья или для расследования. Все остальные вопросы лучше решать с мисс Хан или – начиная со следующей недели – с мистером Бlichem.

– Я также надеялся поговорить с мистером Койлом.

– Ну еще бы.

– Вы разговаривали с мужем сегодня утром?

Я вдруг подумал, что безымянный покойник – Фредерик Койл. Это значительно облегчило бы жизнь Наташи, так как

сделало бы ее единоличной хозяйкой отеля.

– Мисс Хан отправила нам одинаковый мейл о событиях прошлой ночи. Фредди не проявил интереса.

– Но ответил?

– Разумеется.

– Боюсь, у мисс Хан не полная информация. Когда она вызвала нас из-за сработавшей сигнализации, мы обнаружили охранника, мистера Нассера, без сознания на четвертом этаже. Кто-то ударил его сзади по голове. – Я рискнул глянуть на Наташу, но ее лицо оставалось непроницаемым. – Мы осмотрели все здание и в одном из номеров на пятом этаже нашли труп. Обстоятельства смерти кажутся нам подозрительными.

– Понятно. – Она прищурилась. – Вы же не думаете, что мистер Нассер...

– Нет. Похоже, он спугнул тех, кто проник в здание. Говорит, что перед обходом услышал громкие голоса. Ругались двое...

Ответом была улыбка, похожая на узкий луч света из щели под дверью.

– И вы полагаете, что это были мы с Фредди?

– Мистер Нассер пошел на шум, и на него напали, – сказал я, не ответив на вопрос. – Были ли еще случаи незаконного проникновения в отель после того, как его закрыли?

– Мне об этом неизвестно.

– А подозрительные события?

Наташа покачала головой.

– Но лучше спросите мисс Хан. Я сознательно отстранилась от управления отелем после его закрытия, так что она и мистер Блик больше знают о текущем состоянии дел.

– Вас ничего не настораживает в поведении потенциальных покупателей?

– Пожалуй, недостаточно активный интерес, но пока мы просто присматриваемся друг к другу. Случившееся может осложнить продажу?

– Не вижу причин для этого. В ближайшие несколько дней нам понадобится доступ к месту преступления, но в остальном...

Она кивнула. Кажется, с благодарностью. Да уж, наверное, непросто вести бизнес с бывшим.

– Все это подводит нас к последнему вопросу, – продолжал я. – Вы сами пошутили, что вы с мужем и были теми двумя спорщиками, которых слышал мистер Нассер. Можете сказать, где вы были вчера вечером и ночью?

– С удовольствием, – ответила Наташа. – Дома, одна.

– Здесь в городе?

– У меня квартира на Кинг-стрит.

К этому времени мы обошли квартал; Наташа кивнула на табличку с названием улицы.

– А чем занимались?

– Читала.

– Что?

– Стихи, – произнесла Наташа таким тоном, будто поэзия – единственный жанр литературы. – У вас все, детектив-констебль?

– Вы, кажется, не слишком озабочены вопросом алиби...

– Мне нечего скрывать, и, кроме того, вы еще не говорили с Фредди. Он докажет, что не мы ругались в отеле.

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Он-то уж точно не с подушкой обнимался, – пояснила Наташа.

6

На этом мы с Наташей расстались. Аниса сообщила мне, что Фредди Койл сможет со мной встретиться только завтра. Обдумывая разговор с Али, я вернулся в отель. Полицейский у двери проводил меня мрачным взглядом. Солнечные лучи струились сквозь застекленный купол потолка и отражались в мраморе, отчего огромное помещение сияло. Теперь оно производило не зловещее, а спокойное и умиротворяющее впечатление. У лестницы мне преградил путь еще один полицейский.

– Детектив-констебль Уэйтс, – сухо сказал он. – Что вы тут делаете?

– Доброе утро. Вы же знаете, что я расследую обстоятельства появления трупа на пятом этаже.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Здание уже осмотрели?

– Детектив-инспектор Сатклифф опечатал пятьсот тридцатый номер. Там все проверено.

– А остальные помещения? Номера все открывали?

– Да. Все здание опечатали.

– Опечатать – это одно... – настаивал я. – А обыскали?

– А что вы ожидаете найти?

– Нет, так дело не пойдет. – Я направился к лестнице.

– Туда ходить запрещено. – Полицейский пошел за мной.

– Знаю, но давайте притворимся, что мы из полиции.

– Карен Строммер ясно дала понять, что вас нельзя пускать на пятый этаж без особого разрешения.

– Ладно, пойдём на четвертый.

Мы начали долгий подъем. Полицейский не отставал, сошел и старался не показывать, что совсем запыхался. К четвертому этажу мне уже казалось, что он сейчас испустит дух. Я принялся осматривать все номера подряд. Говоря про дневного сторожа, Маркуса Кольера, Али упомянул мусорные корзины. Я заходил в номер и шел сразу к ним. Их везде было по две: одна в гостиной и одна в ванной. В первых нескольких номерах я ничего не нашел.

Номер 405 отличался от остальных.

Кровати во всех номерах были аккуратно заправлены, в этом же поверх покрывала лежала простыня. Я проверил мусорную корзину в гостиной, осмотрел все вокруг, опустился на пол и посветил фонариком под кроватью.

Пусто.

Полицейский наблюдал за мной из прихожей. Обстановка в ванной была самая простая. Выключатель я трогать не хотел, ограничился светом фонарика. Нажал на педаль мусорного бачка, крышка распахнулась. Внутри что-то блеснуло. Надорванный квадратик из фольги. Я достал из кармана чистый пакет и прихватил им находку. Ярко-розовые буквы на одной из сторон гласили: «Здоровая жизнь». Я вышел из номера, полицейский последовал за мной.

– Позвоните криминалистам, – велел я ему. – Надо снять отпечатки пальцев в этой комнате, особое внимание обратить на кровать.

– А искать что?

Я начинал терять терпение.

– Свидетельства сексуальной активности. Волоски, частички кожи, ДНК. Пока не найдешь – не узнаешь, но не искать совсем – значит недобросовестно исполнять служебные обязанности. И говоря о добросовестности, вот это надо проверить на все вышеперечисленное. – Я протянул полицейскому пакетик.

– Презерватив, что ли? – спросил он, не сразу сообразив, что это.

– Упаковка от него. Так что не рассчитывайте. – Я подмигнул ему и вышел.

Я поговорил с дежурным на выходе. Он стоял там с тех пор, как мы обнаружили труп. На вопрос, не приходил ли на работу Маркус Кольер, ответил, что, кроме меня и криминалистов, никто к зданию не приближался. Я поблагодарил его. Мой уход он воспринял с явным облегчением.

Вечер только начинался, когда я забрал Сатти в центре города перед дежурством. Напарник грузно плюхнулся на пассажирское сиденье:

– Ничего рассказать не хочешь?

Было непонятно, что именно из моих сегодняшних действий его разозлило, но если он проведал, что я встречался с хозяйкой отеля без него, то мне предстоит та еще ночь. Я решил начать с самого начала:

– Я встретился с Али...

– С суперинтендантом. Вот с кем ты встретился.

– Не по своей воле, – сказал я после паузы.

– Ты мне зубы не заговаривай. В открытую нападать слабо?

– Ничего личного, Сатти.

– А на фига тогда эта конспирация? Ему небось сказал, что я дома дрыхну?

– Нет. Он за мной заехал без предупреждения, – сказал я после некоторого раздумья. – Про нашу встречу ты явно знаешь от водителя...

– Дэйв – мой старый приятель.

Опять человек из управления. У Сатти было полно приятелей оттуда.

– Ну так и расспросил бы его получше.

Сатти фыркнул.

– Ему было плохо слышно.

– Тогда пусть помалкивает. Я не знал, что увижусь с Паррсом. Наверное, дежурный, которого ты поставил охранять Али, доложил ему, что я в больнице. Паррс просто хотел меня предупредить насчет Картрайта.

– Кого-кого?

– Чувака, которого я допрашивал в Кизе вчера ночью.

– Опять твои чертовы девушки...

– Дело не в девушке, а в нем. Он, похоже, важная шишка.

– И какая же?

– Известная медиаперсона. Во всяком случае, поважнее нас.

– Таких воз и маленькая тележка, – проворчал Сатти.

– Паррс велел мне не отвлекаться от мусорных поджогов...

– Ну-ну, – хмыкнул Сатти. – Дело чрезвычайной важности. Такое можно доверить только лучшему сотруднику. – Он засопел, решая, верить мне или нет. – Расскажи про Али.

– Говорит, услышал голоса, пошел посмотреть, кто там, и его вырубили.

– Веришь ему?

– Он год назад бежал из Алеппо. Бойтся полиции. Да, верю. Про дневного сторожа что-нибудь известно?

– Ага. Известно, что ни хрена не известно.

– Похоже, у него какие-то терки с Али.

– То есть?

– Я поднажал на Али в разговоре, и он намекнул, чтобы мы проверили мусорные корзины на четвертом этаже. Я нашел упаковку от презерватива.

– Маркус проверял, мягкая ли постелька?

– Возможно. В номере будто прибирались в спешке. Я попросил криминалистов все осмотреть.

– А что с упаковкой? Отпечатки могут быть?

– Рано говорить, я ее только что нашел. Тебе могут позвонить и пожаловаться, что я пытался проникнуть на место преступления...

– Стромер?

– Она оставила четкие указания.

– Ее не в чем упрекнуть. Твою физиономию пора размещать в рубрике «Их никто не ищет». А раз так, – продолжал он, вылезая из машины, – избавься-ка от этого, а я пока перекушу. – Он кивнул на куртку Софи на заднем сиденье. – Возьми машину. И смотри, чтоб оцарапали...

– Ты разве заметишь?

– Да не машину, а тебя, любимец девочек.

Я припарковался и зашагал по территории Оуэнс-парка. Снова возникло вчерашнее ощущение. Я будто вернулся в прошлое. Будто свет этих волшебных фонарей превратил меня в юношу, у которого вся жизнь впереди. Я подошел к корпусу Софи и позвонил в ее квартиру. Паррс велел мне забыть про Картрайта.

Сколько уже таких предостережений я от него получил!

Он метал бы громы и молнии, если бы узнал, где я сейчас, но меня беспокоило что-то еще, кроме гнева Паррса. Антипатия Стромер? Ожидаемо. Мусорные пожары? Так, фоновый шум. Мысленно я вернулся к утренним событиям. Первый телефонный звонок. Несколько секунд тишины, дыхание в трубке и долгие гудки. Мне редко звонили на городской номер телефона, да и дыхание в трубке явно было не случайностью, а смыслом звонка. Кто-то дышал прямо в трубку с целью устрашения. Я вспомнил вчерашний день. Гай Расселл, Олли Картрайт и улыбающийся человек.

Сплошь новые враги.

Я еще раз позвонил в домофон. Дверь щелкнула и открылась. Я поднялся по лестнице. Вчера вопросов не вызывало поведение только одного человека – соседа Али по палате, беспокойного пациента, который кричал, потому что боялся этого мира и не знал, чего от него ожидать.

Из квартиры на втором этаже слышались юные голоса, музыка, смех. Я свернул в общую кухню, где ждал Софи прошлой ночью. Там стоял Эрл и смешивал сразу четыре коктейля. При виде меня он замер. Взгляды присутствующих обратились ко мне. Эрл опустил бутылку, из которой разливал что-то по бокалам; его друзья недовольно засвистели.

Он шикнул на них и двинулся мне навстречу, глазами показывая на коридор. Я шагнул за порог, он вышел следом и закрыл за собой дверь.

– Как там вас? Я забыл.

– Уэйтс, – ответил я. – Софи дома?

– Вас сюда не звали.

– Софи дома?

– Не-а. – Он прислонился к стене, загораживая мне проход.

– Ее велосипед в коридоре.

– А самой нет.

– Ее комната открыта?

– Нет.

У него уже были проблемы с законом, так что я не стал обострять ситуацию.

– Вот ее куртка. – Я показал ему джинсовку в руке.

Он удивился:

– Можно я передам?

– Ладно. С тем парнем проблем больше не будет, но, если что, у нее есть мой номер.

Эрлу явно хотелось узнать подробности, но я отдал ему куртку и повернулся к лестнице.

– Спасибо, – сказал он мне в спину.

– Ты – настоящий друг, Эрл. Присматривай за ней.

Я спустился в душный коридор и пошел к выходу мимо веселых голосов, смеха и музыки.

– Уэйтс! – Эрл бежал вниз по лестнице. – Вы уронили... –

Он протянул мне сложенный клочок бумаги. Я его развернул.

Оливер Картрайт. Олли. 35–40 лет. Редеющие рыжие волосы, брюшко. «Инкогнито». 19:00.

Наверное, записка выпала из кармана джинсовки, пока я нес ее, перекинув через руку.

Эрл с ухмылкой глянул на записку:

– Знаете этого придурка?

– Картрайта? Нет, а ты?

– Фамилию слышал. Ведущий ультраправой передачи «LOLitics». Мы один раз протестовать ходили к ним под окна. – Эрл задумался. – Погодите, так это с ним Софи спуталась?

Я покачал головой:

– Нет, это по другому делу.

– Вы там прижучили бы его как следует. Злобный уж больно. – С этими словами Эрл ушел наверх в кухню, где его радостными воплями встретили друзья, заждавшиеся коктейлей.

Я шел к машине, сжимая в руке записку. Софи записала, как выглядит Картрайт, значит заранее знала, кто он, может быть, даже следила за ним. Получается, она врала мне, что познакомилась с ним случайно.

Вернувшись в центр города, я решил сначала отчитаться перед Сатти. Он был занят – помогал топталам из подразделения быстрого реагирования остановить драку в баре, которую, скорее всего, сам же и начал. Меня обуревала новая, незнакомая жажда действий. Будто мозг включился после многомесячной спячки.

Я припарковался около «Палас-отеля», на перекрестке Оксфорд-роуд и Грейт-Бриджуотер-стрит, и увидел свет в «Темпле». Когда-то в нем размещался общественный туалет. Еще в викторианские времена он был скандально известен тем, что геи искали себе здесь пару, но потом, много позже, таким местом стала Канал-стрит. Теперь «Темпл» был маленьким подвальным баром. Принадлежал он фронтмену необычайно популярной местной группы и вскользь упоминался в ее самом нашумевшем хите «Причины развода».

Меня будто что-то подталкивало навстречу прежним мыслям и чувствам, и я решил поддаться этому ощущению. Тому, кто завязал со спидами, кокаином и экстази, алкоголизм кажется здоровой привычкой. Я спустился по ступенькам и подергал ручку двери. Заперто, но изнутри слышны голоса. И музыкальный автомат еще работает, хотя уже двенадцатый час ночи. Я постучал. Раздались шаги. Я отступил

от двери, чтобы меня было лучше видно.

– Кто там? – спросил знакомый голос.

– Это я.

– Уэйтс?

Щеколду отодвинули, дверь открылась. Изнутри повеяло теплым воздухом и оживлением, обычно сопровождающим коллективное распитие спиртных напитков. Из-за двери на меня смотрела барменша, Шан.

Подчеркнуто безразличным взглядом.

У Шан были темные волосы и бледная кожа в веснушках. Черная одежда, хипстерские очки, по руке тянулись изящные татуировки.

– Мы уже думали, ты исправился.

– Рецидив, – ответил я. – Рад видеть. – Я шагнул к ней, но она не сдвинулась с места, просто стояла у двери, глядя на меня снизу вверх. Впервые я увидел ее здесь же, у этой самой двери. Тогда это было похоже на прыжок с обрыва.

– Да неужели? – сказала она.

Потом наконец повернулась и пошла обратно в бар. Я запер дверь и последовал за ней. Бар представлял собой узкий зал длиной с два лимузина. Вдоль каждой стены четыре-пять столиков, посередине только-только хватает места пройти. За столиками группки посетителей, но в целом не больше десяти человек. Обычная кучка завсегдатаев, которым дозволяется посидеть в баре после закрытия в воскресный день. Потрепаться о том о сем, поспорить. Обсудить жизненно

важные вопросы, о которых завтра никто не вспомнит. Из музыкального автомата раздавалась «Brand New Cadillac» в оглушительном исполнении *The Clash*⁷. На меня никто не обращал внимания.

– «Гиннесс», – попросил я, усаживаясь на высокий стул у барной стойки.

Шан посмотрела на меня:

– Чистых бокалов не осталось...

– Я сегодня готов пить из чего угодно.

– Смотри, поймаю на слове. – Она распахнула ногой дверцу посудомойки; оттуда вырвался горячий пар.

Шан молча наполнила бокал и подвинула его ко мне. Он еще не остыл после кипятка. Я принялся шарить по карманам в поисках бумажника, но Шан махнула рукой.

– За счет заведения, Эйд.

– Спасибо. – Я посмотрел на нее. На шее у нее билась жилка. Шан чувствовала то же, что и я. – Как поживаешь? – спросил я.

– То есть не разорвалось ли у меня сердце от несчастной любви? Что ты вообще в наших краях делаешь?

– Разучиваюсь быть детективом.

– Это у тебя легко получится. Нет, серьезно, – сказала она. – Ты так давно тут не показывался...

⁷ «Новенький кадиллак» – песня Винса Тейлора, впервые записанная в 1959 г. и получившая широкую известность после того, как британская панк-рок-группа *The Clash* включила ее в свой третий альбом, «London Calling» (1979).

– Слишком много заведений заявили о нежелании меня видеть.

Она оперлась на стойку:

– Вот, оказывается, что надо было сделать! Где подписывают петицию?

– Просто был тут по работе.

– Ты все время где-то по работе. Ты – единственный, у кого график еще хуже моего. – Она пожала плечами. – Но выглядишь неплохо...

– Бегаю много.

Шан изогнула бровь.

– Должны же у человека быть какие-то дурные привычки.

– У тебя их всегда хватало, насколько я помню.

– Я больше не употребляю, – сказал я и понял, что на самом деле, наверное, зашел сообщить ей об этом.

Она перестала изображать безразличие и улыбнулась. Так искренне, что я устыдился того, как повел себя в нашу последнюю встречу.

– Это хорошо, Эйдан. Очень хорошо! – Она шутя ткнула меня в плечо. – Чем теперь продавцы спидов будут на жизнь зарабатывать?

Я рассмеялся:

– Думаю, у них предусмотрено что-то на случай кризиса.

– Девушек ты тоже бросил? Или только меня?

– Я...

– Раньше мне хотя бы говорили «до свидания».

– Я думал, что вернусь.

– Но не вернулся. Ты и сейчас-то не вернулся, так ведь?

К стойке подошел посетитель и заказал выпивку на всю компанию. Шан быстро обслужила его и сдержанно улыбнулась, когда он начал перетаскивать кучу бокалов на свой столик. Я понял, что прийти сюда было ошибкой. Хуже того, мое исчезновение из жизни Шан было еще одной образцовой диверсией против самого себя. Я допил пиво и собрался уходить.

– Когда явишься в следующий раз, меня тут может не быть, – сказала Шан.

Я посмотрел на нее:

– А где ты будешь?

– Не знаю, для начала выползу на свет. Я встречаюсь кое с кем.

– Хороший парень?

Она кивнула:

– Таких, знаешь ли, ужасно сложно найти.

Перед нашим расставанием больше года назад мы с Шан почти съехались, ни о чем не договариваясь. Ни она, ни я не были готовы назвать вещи своими именами или отказаться от собственного жилья. Просто шли ночевать ко мне или к ней, смотря у кого заканчивалась ночная смена. Я постепенно знакомился с ее друзьями и родственниками, стараясь не думать о том, что мне ее познакомить не с кем. Какое-то время мы были счастливы. Мне вспомнилось, как мы гото-

вили что-нибудь по-быстрому, ели, держа тарелки на коленях, и разговаривали. Летом забирались на крышу старого дома Шан по пожарной лестнице. Пили вино, смотрели на звезды, пели «Drunk on the Moon»⁸. Хорошее было время, но закончилось плохо. Я вляпался в неприятности на работе. Пустил свою жизнь под откос. Шан была права, на самом деле я так и не вернулся.

– Прости, – сказал я.

Мы принялись, уже непринужденнее, вспоминать старые времена. К разговору присоединился кто-то из завсегдатаев, и я стал прокручивать в голове события последних двух дней. Мусорный поджог, секс-шантаж, возможное убийство. Весь уголовный набор: от хулиганства до особо тяжкого преступления. Я принялся за второй бокал. Подумал про Олли Картрайта. Я поднял его ночью с постели. Именно такое поведение привело меня к работе в ночную смену. К моему самому последнему шансу. Однако стоило это проделать хотя бы ради того, чтобы позлить Паррса. Мне нравилась Софи. Она напоминала девушку, которую я когда-то знал.

Однако в основном мои мысли сейчас занимал улыбающийся человек.

Кто-то забарабанил в дверь. Шан обогнула стойку бара и направилась к выходу. В перерыве между песнями я услышал чей-то грубый, хриплый голос и обернулся. Кто-то –

⁸ «Опьянен Луной» – песня американского композитора и певца Тома Уэйтса со второго студийного альбома «The Heart of Saturday Night» (1974).

я видел только темный силуэт за дверью – доказывал, что Шан должна его впустить. Заиграла следующая песня, и я не услышал, что говорила Шан. После короткой словесной перепалки незадачливый посетитель поднял руки и отступил. Шан заперла дверь и объявила, что бар закрыт.

Я допил пиво и ушел под блюз Тома Уэйтса, зная, что встреча с Шан прошла как нельзя лучше и что, наверное, она специально поставила эту песню в память о старых временах. В каком-то расслабленном, даже рассеянном состоянии, все еще напевая мелодию, я поднялся по ступенькам и шагнул на тротуар. Мимо грохотали двухэтажные автобусы, похожие на пустые коробки с подсветкой. Я уже повернул в сторону центра, но сзади раздался шорох. У входа в «Темпл» стоял какой-то человек. Его скрывала темнота, меня же освещали уличные огни. Я чувствовал на себе его взгляд. Какое-то время мы оба не двигались, потом я повернулся и пошел прочь.

В этот раз все тоже началось со стука в дверь.

Был вечер воскресенья, начало одиннадцатого. Мальчик немного подождал. Они забрались далеко от города, и, хотя давно стемнело, звезд на небе в этот раз не было. Мальчику хотелось вернуться к машине, где его ждали мать и сестра. Пожать плечами, соврать, что никого нет. Но Бейтмен был где-то рядом, наблюдал за ним, готовый выйти из темноты. Бейтмен знал, что в доме кто-то есть.

И что этот кто-то – один.

Мальчик не удивился, когда за дверью послышались шаги и молодой женский голос спросил:

– Кто там?

Голос казался знакомым.

– Бейтс, ты? – нерешительно спросили из-за двери. – Ты не должен сюда больше приходить...

Мальчик всмотрелся в темноту, где ждал Бейтмен, и ответил:

– Я потерялся.

Прозвучало правдоподобно.

Изнутри щелкнул замок. Дверь приоткрылась, в щелку выглянула встревоженная девушка. Холли, которую он видел на рынке, только сейчас она была в пижамных штанах и в халате.

– Привет. – Холли присела на корточки перед мальчиком. Глаза ее распахнулись от удивления.

– Кош?

Холли не сразу заметила, что за спиной мальчика кто-то стоит. Она резко выпрямилась, заскочила в дом и попыталась захлопнуть дверь, но Бейтмен застопорил ее ботинком, обитым железом. Потом распахнул плечом так, что от удара девушка упала и распростерлась на полу.

– Прости, – сказала она. – Прости, пожалуйста.

Мальчик не сразу понял, что обращается она к нему.

Бейтмен шагнул в прихожую. В одной руке у него был гвоздодер, в другой – огромная дорожная сумка. Он швыр-

нул ее на пол, схватил Холли за волосы и поволок в комнату.

– Дверь, – бросил он мальчику через плечо.

Мальчик толкал спиной входную дверь, пока не щелкнул замок. Вдохнуть не получалось. Он медленно сполз на пол. Из комнаты доносились шаги. Громкие голоса. Грохот мебели. Звон бьющегося стекла. Слабый голос Холли, моливший о прощении.

– Сумку, Кош! – прокричал Бейтмен. – Некогда всю ночь тут торчать!

Мальчик поднял с пола сумку и вошел в комнату. На удивление большую и богато обставленную. С огромными книжными шкафами вдоль стен и дорогой мебелью. Комната была больше, чем вся квартира, в которой жила семья мальчика. Он прошел мимо перевернутого стола, дыры в стене, разбитой настольной лампы, завернул за угол. Холли рыдала на полу, над ней возвышался Бейтмен. С гвоздодером в руке.

– Сделаешь кое-что для меня, – сказал он девушке.

– Да, конечно. – Холли кивнула, вытерла глаза и попыталась улыбнуться.

– Залезай. – Он кивнул на дорожную сумку.

– Что? – тихо переспросила Холли.

– Залезай в сумку, – пояснил Бейтмен, не глядя на нее.

– Но... – Она судорожно сглотнула. – Зачем?

– Зачем? – передразнил ее Бейтмен. – Затем, что не каждому повезло родиться богатеньким, дорогуша. Некоторым приходится делом заниматься. Я люблю, чтобы все было ти-

хо-мирно. Не по-хорошему, так по-плохому. – Он красноречиво помахал гвоздодером.

Холли будто бы забыла, как дышать. Она кивнула, поднялась с пола и бросилась в коридор. Мальчик пошел за ней. Холли стояла у двери и трясущимися руками отпирала щеколду. Возникший позади мальчика Бейтмен усмехнулся. Холли замерла в ослепительном луче света и закрыла лицо руками.

– В дом! – велела ей мать мальчика.

Плечи Холли опустились, колени подогнулись. Она прислонилась к стене, чтобы не упасть. Бейтмен поднял ее и понес обратно в комнату.

– Я же сказал. Не по-хорошему, так по-плохому.

Мальчику хотелось вжаться в стену. Он старался не смотреть на мать, которая прошла мимо него в комнату. Закрыл глаза, но до него доносились звуки борьбы и тяжелое дыхание.

– Не надо, – молила Холли. – Не надо...

Словно в тумане, мальчик заглянул в комнату. Бейтмен пинками запикивал Холли в сумку. Она о чем-то просила, но Бейтмен застегнул молнию, и слов теперь было не разобрать.

Черная сумка со вспучившимися боками сотрясалась от рыданий девушки.

Было непонятно, где голова, а где ноги. В молнии застряли несколько прядей длинных волос. Бейтмен продел замок в петли и защелкнул его ладонью.

– Заткнись уже, чтоб тебя! – сказал он, тыкая сумку ботинком. – И не такие помещались, дорогуша.

Почувствовав на себе холодный взгляд матери, мальчик попятился из комнаты.

– Иди с сестрой поиграй, – сухо бросила она.

Девушка в сумке отчаянно звала на помощь, но мальчик не останавливался. В ушах звенело, рот наполнился слюной. Перед глазами замелькали радужные пятна, у мальчика возникло ощущение, что он поднимается над землей, выходит из тела. Он был уже у двери, когда Бейтмена прорвало.

– Заткнись! – орал он. – Черт! Тебя! Подери! – Каждое слово сопровождалось ударом тяжелого ботинка по телу.

С улицы криков о помощи не было слышно. Мальчик не чувствовал земли под ногами. Сначала он шел, потом побежал, помчался прочь от дома.

III

Чайнатаун⁹

1

– Прошу прощения за беспорядок. – Фредерик Койл наконец вышел из спальни.

Он не был готов к моему приезду. Встретил меня в пижаме и халате. Попросил подождать на втором этаже просторной двухуровневой квартиры в центре города и ушел переодеваться. Гостиная была не то чтобы в полном беспорядке, но явно не прибрана. На полу стояли полупустые тарелки с едой и грязные бокалы. Тянуло легким фруктовым ароматом – от электронной сигареты, засунутой между сиденьем и подлокотником дивана. Я обошел гостиную и обнаружил за шторой серебристый шейкер.

Похоже, его спрятали в спешке.

Поглядывая на дверь спальни, я открутил крышку шейкера и понюхал содержимое. Шейкер был холодный, но я все равно удивился, увидев внутри нерастаявшие кубики льда.

В десять утра.

⁹ «Chinatown» – песня Лиамы Галлахера, бывшего вокалиста манчестерской рок-группы *Oasis*, с дебютного сольного альбома «As You Were» (2017).

Я сунул в шейкер палец. Лизнул. Джин с соком. Вечеринка либо только закончилась, либо, наоборот, возобновилась.

За дверью послышались шаги. Я сел в кресло.

Койл вернулся в наглаженном ярко-синем костюме и извинился за ожидание. Его тонкие усики походили на трещину в белом блюде, иссиня-черные волосы были зачесаны назад и зафиксированы гелем. По виду ему можно было дать лет сорок пять или чуть больше, значит волосы он красил. Койл подошел к окну. Не стал проверять, на месте ли шейкер, а просто прикрыл жалюзи. Теперь солнечный свет просачивался в щели между пластинами.

– Слишком яркое солнце с утра, ну, вы понимаете... – Койл тоже сел и хлопнул в ладоши, будто для того, чтобы меня включить.

Я молчал. Тогда он осторожно начал сам:

– Вы ведь по поводу взлома «Палас-отеля»...

– Все несколько сложнее, мистер Койл.

Я не знал, посвятила ли Наташа Анису или его в подробности произошедшего, поэтому предоставил ему самому заполнить тишину.

– Это нападение на охранника...

– Али, – подсказал я.

– Да, Али. Очень ему сочувствую. Но это не наша ответственность, если он подаст иск...

– Я не из страховой компании, мистер Койл. Я – детектив.

– Значит, взломщика поймали, раз вы наносите визиты в

такую рань?

В спальне раздался какой-то звук. Мы оба посмотрели в ту сторону. Койл усмехнулся, изображая смущение. Вышло неубедительно.

Я подался вперед:

– Простите, если помешал, но у нас была назначена встреча. Как-никак в вашем отеле умер человек...

Я решил, что, начав с главной новости, я быстрее добьюсь результата.

– Умер? Мисс Хан сообщила мне, что он получил травмы...

– Да. Сначала мы обнаружили мистера Нассера с разбитой головой, а потом – труп неизвестного на пятом этаже.

– Что за хрень?!

– Мы подозреваем, что этот человек умер не своей смертью.

Койл пригладил усики указательным пальцем.

– И кто он?

– Пока не удалось установить. Будем признательны, если вы нам поможете.

– Как?

– У вас есть предположения, кем он может быть?

Стромер снабдила нас снимком покойника анфас. Я отправил его Наташе Рив, но безрезультатно. Койл глянул на него и скривился:

– Не знаю такого.

– В отеле происходило что-нибудь необычное?

– Например?

– Похоже, один из ваших охранников сдавал номера.

– Сдавал номера? Кому? – спросил Койл, но почти сразу сообразил: – А, древнейшая профессия.

– Мы рассматриваем такую вероятность.

– С чем вам только не приходится сталкиваться по работе.

Я кивнул:

– Наша профессия – тоже одна из древнейших.

– Итак, вы предполагаете, что смерть этого человека связана с... С чем? С проституцией? А Блик в курсе всего этого?

– Я очень надеялся поговорить с ним, но он уехал из страны.

Койл с лукавым выражением выудил из кармана мобильный телефон:

– Ага, уехал... – Он показал экран.

С фотографии смотрел тучный мужчина: голый торс, ультрамодные солнечные очки. В окружении тайских девушек.

– Не удивлюсь, если он не вернется.

Да уж, для адвоката Блик выглядел очень неофициально.

– Вернемся к отелю, мистер Койл...

– Так что там было? Проституция?

– Это одна из версий. Когда вы в последний раз были в отеле?

Койл рассмеялся:

– Несколько лет назад. Совершенно точно.

Я был склонен ему поверить. Впрочем, странно, что он не сказал об этом сразу.

– Нет ли у вас недоброжелателей, которые хотят затянуть процесс продажи?

Улыбка на лице Койла застыла.

– Затянуть? А таким можно затянуть?

– Ну, попытка не пытка.

Койл задумался, то и дело поглядывая на меня. На его лице отчетливо проступили следы ночных возлияний.

Наконец он покачал головой.

– Уверен, это не тот случай, но осторожность не помешает. Вы ведь не допустите утечки информации?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.